

ГЕОРГИЙ
ЛАНСКОЙ

МНЕМОЗИНА

МЕРТВЫЕ НИКОГДА НЕ ВРУТ,
НИЧЕГО НЕ ЗАБЫВАЮТ И НЕ
УХОДЯТ НИ С ЧЕМ.

Любовь, интрига, тайна

Георгий Ланской

Мнемозина

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ланской Г. А.

Мнемозина / Г. А. Ланской — «Эксмо», 2020 — (Любовь, интрига, тайна)

Иван Стахов – бывший опер, ныне адвокат. С оперативной работы он ушел после того, как маньяк, которого он преследовал, убил его жену и сына. После смерти близких Иван начал чувствовать присутствие душ людей, которые умерли неестественной смертью... Бизнесмен Олег Рокотов нанял Стахова, чтобы тот отыскал пропавшего Глеба Макарова. Макаров был женихом Ксении, единственной дочери Рокотова. Недавно девушка погибла, по версии следствия – случайно выпала из окна, когда вешала шторы. Но Рокотов уверен, что Ксению убил Глеб... Стахов взялся за это дело, но лишь по одной причине: Рокотов пообещал сообщить Ивану о местонахождении маньяка, убившего его семью и сумевшего скрыться...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ланской Г. А., 2020
© Эксмо, 2020

Георгий Ланской

Мнемозина

Мнемозина – в древнегреческой мифологии богиня, олицетворявшая память, мать всех муз. Она знает всё, что было, всё, что есть, и всё, что будет.

Пролог

Прижимая к раскалывающейся голове ладонь, он говорит себе: «Я смогу», а затем делает шаг, один крохотный шаг в сторону дверей. Боль ударяет в раскрытую ладонь оглушительной пульсацией, выплескиваясь в нее багровыми каплями. Кровь, вязкая, как вишневое варенье, падает на бежевый ковер и мгновенно впитывается в высокий ворс, делая его грязным. С трудом переставляя ноги, мужчина делает еще пару шагов, всхлипывая от чудовищного гула в висках, спотыкается о перевернутый стул и падает на пол с хриплым криком, разбросав руки в стороны. Затуманивающийся взор видит только уходящий в бесконечность пол да валяющуюся бутылку, наполненную белыми бабочками. Левый глаз вообще не видит ничего, кроме красного марева. Левая рука болтается плетью. На правой ноют разбитые пальцы.

Еще слишком рано, и солнце только-только встает – свет проникает сквозь стекла. Ему ничего не препятствует. Занавески сорваны и валяются на полу неаккуратной кучей. Прямоугольник света на обоях наливается оранжевым, становясь более четким. Оконная рама похожа на надгробный крест.

Кровь продолжает течь из разбитой головы мужчины, и рукав его не слишком чистой футболки уже почти черный. Мыча от напряжения, мужчина становится на четвереньки и неуклюже ползет к двери, стараясь не оглядываться, а затем встает, хватаясь за шкаф. Его пальцы скользят, оставляя на светлом дереве красные разводы. С усилием подтягивая непослушное, слишком тяжелое тело к выходу, мужчина думает, что еще немного – и он потеряет сознание, и тогда ему конец. Шкаф, на который он опирается, трясется, но он набит одеждой до отказа, и потому не упадет. Мужчина протягивает руку к пластиковой коробочке на стене и трясущимся пальцем, не попадая с первого раза, давит на тревожную кнопку. А надавив, находит силы обернуться и тут же сползает по стене, оставляя на обоях жирный красный след.

Его ладони и колени разодраны о битое стекло, в изобилии валяющееся по полу, но мужчина уже не чувствует боли. Обхватив голову руками, он смотрит на тело жены, даже в смерти прикрывающей собой неподвижного мальчика со светлыми волосами. На ее спине расплылось алое пятно с черными дырами в платье, кончики светлых волос почернели от засохшей крови. Из дальнего угла ему плохо видно сына, и это даже к лучшему. Вывернутая ножка ребенка, его ручка, зажатая рукой жены, не дают ему покоя, но мужчина не может отвести от них взгляд.

Балконная дверь распахнута настежь и болтается на одной петле. На белом пластике остроумный гость намалевал смайлик, используя в качестве кисти собственный палец, а вместо краски – кровь. Сквозняк струится по полу и колышет волосы мертвой жены и мертвого сына, отчего кажется, будто они просто прилегли в багровые лужи. И если бы не эта пугающая неподвижность сломанных кукол, можно было бы подумать, будто еще есть вариант что-то исправить. Воздух насыщен тяжелым медным запахом запекшейся крови.

Вслепую мужчина шарит рукой и тратит остатки сил, чтобы распахнуть входную дверь настежь, а открыв, вываливается в подъезд. Кровь течет на рыжий кафель, скапливаясь в швах между плитками. Мужчина тянет руку к соседней двери, но не дотягивается и без сил падает на

холодный пол. Правым, здоровым глазом, он видит, как в глубине квартиры шевелится скрюченная тень.

Смазанный силуэт движется к нему, небрежно перешагивая через тела. Бутылка с бабочками, попавшаяся под ноги, оказывается небрежно отброшенной в сторону. Отлетев, она врежется в стену и разбивается. Сухие трупики засыпают пол невесомыми белыми крылышками. Теряя сознание, мужчина инстинктивно отодвигается от приближающегося монстра, закрывает лицо покалеченной рукой.

Когда бледное, изрытое красными оспинами лицо приближается вплотную, мужчина делает слабую попытку впиться в глаза убийцы ногтями, но его жалкое усилие вызывает лишь презрительную усмешку, а затем нога, обутая в тяжелый ботинок, выбивает остатки сознания из головы. Падая в невесомость, мужчина сквозь вспышки улавливает воспоминание, как вместе с сыном бегал по лугу, ловил белых бабочек и, повинуясь внезапному порыву, набил ими старую советскую бутылку из-под молока, найденную тут же, а сын долго не мог оторваться, разглядывая сквозь толстое стекло, как трепещут их сломанные крылья.

Убийца перешагивает через поверженного хозяина квартиры, наступив ему на ладонь. Но мужчина на полу этого не чувствует. Утренняя тишина вдруг огрызается полицейскими сиренами, на стенах скачут синие и оранжевые блики от фонарей «скорой», окна многоэтажек открываются, являя заспанные физиономии зевак. И когда раздвигаются двери лифта и на этаже оказываются сотрудники вневедомственной охраны и врачи, мужчина на полу вдруг открывает глаза.

Он выдерживает торопливый допрос, не отводя взгляд от двух тел на полу, и даже скупое описывает приметы преступника, ловя многозначительные переглядывания двух полицейских. Придерживая руками раскалывающуюся голову, он что-то повторяет, уточняет, показывает, и кажется, что он почти спокоен. Но когда медики начинают ворочать тело его мертвой жены, он слышит треск отдираемой от пола кожи, присохшей от крови.

И тогда мужчина начинает кричать.

Официантка, молодая девушка с усталым лицом, уже трижды подходила к столику, подливая кофе, забирала чашки и, кажется, мысленно желала, чтобы мы убрались как можно скорее, хотя работы на сегодня у нее было немного. В кафе кроме нас сидели всего четыре человека: влюбленные у окна, то и дело прикасающиеся друг к другу, мужчина у барной стойки с кружкой пива в руке и элегантная старушка в розовом костюме, с ниткой жемчуга на шее и прической Шапокляк. Старушка единственная сидела ко мне лицом, и потому я невольно смотрел, как она аккуратно ест свой десерт, отщипывая его крохотной ложкой. Уже битый час я слушал своего собеседника и мечтал, чтобы он наконец-то что-то решил и ушел, оставив меня в покое. Это был один из проблемных клиентов: неуверенный, дерганый, то и дело решающий поменять стратегию защиты и оттого доставляющий массу проблем. Мое терпение, как и время, было на исходе. Сегодня меня ждала еще одна встреча, сулившая куда больше перспектив, чем это унылое убожество с трясущимся от страха ртом.

– Почему мы не можем просто разойтись по-хорошему? – всхлипывал он. – Иван Андреевич, поймите, я не хочу, чтобы в суде копались в моей жизни. Я не выстою против отца, это невозможно. Он в два счета объявит меня невменяемым и упечет в психушку. Вы же знаете: он уже это делал.

Он всхлипнул и закрыл руками лицо. Ногти на его пальцах были обгрызены до мяса, заусенцы вырваны с корнем. Официантка оглянулась на нас, одарив тревожным взглядом. Не знаю, кем мы выглядели в ее глазах. Мне нужно было проявить немного сочувствия, которого я не испытывал, и потому я наклонился к собеседнику и проникновенно сказал:

– Игорь Сергеевич, мы можем остановить все в любой момент, если вы захотите. Но вы же понимаете, что на этом история не закончится? Остановиться сейчас – значит проиграть. Если вы не доведете дело до суда, останетесь перед отцом совершенно беззащитным, и тогда вас уже ничего не спасет.

Он не отвечал, прерывисто дыша сквозь пальцы. Мне надоело церемониться. Да и до следующей встречи осталось всего полчаса.

– Кивните, если поняли меня, – приказал я.

Игорь, тощий парень с нервным лицом диснеевского героя-задрота, неуверенно кивнул. Я одобрительно улыбнулся.

Судьба Игоря Соколова была довольно непростой, и то, что этот измученный парень вообще отправился к адвокатам, было равносильно чуду. Его мать, довольно богатая дама, скоропостижно скончалась, не оставив завещания. Удивительным было то, что видная предпринимательница, держательница заводов, газет, пароходов, в спутники жизни выбрала истерического, суетливого интригана Сергея Соколова, руководителя регионального отделения движения «Русский крестовый поход». С Соколовым-старшим мне уже приходилось иметь дело, и каждый раз, выигрывая, я ощущал чувство гадливости. Свою жизнь так называемый общественный деятель Сергей Соколов посвятил попыткам что-то запретить: концерт, выставку, крестный ход. Протест против системы был смыслом его жизни, хотя официальные мероприятия Соколов старательно обходил стороной. После смерти жены, сдерживавшей его аппетиты, Соколов, получив доступ к капиталам, и вовсе распоясался. Теперь его акции стали более массовыми и проблемными. Одержимость Соколова не знала границ, а когда его единственному сыну исполнилось восемнадцать, он упек его в психушку, дабы тот не встал на пути к состоянию. В больнице подкупленные врачи поставили Игорю диагноз «острое полиморфное расстройство без признаков шизофрении», накачали нейрелептиками до состояния овоща и оставили гнить в одиночке.

Мне удалось вытащить Игоря из психушки, но в дальнейшем сочувствие и желание помочь несчастному парню испарилось из-за его неуверенности и слабости: люди, позволяющие пинать себя ногами в лицо, не вызывали у меня жалости. Стоя в зале суда перед его самодовольным папашей, я чувствовал восхитительную ярость, но после, выиграв первый процесс, Игорь испугался и решил сдать назад.

– Отец сказал, что, если я отзову иск, он больше не станет вмешиваться в мою жизнь, – глухо сказал Игорь, уставившись в грязную чашку. – И честно поделит наследство.

– Будет гораздо лучше, если границы ваших прав все-таки установит суд, – возразил я. – У нас нет оснований доверять честности вашего родителя, верно?

Игорь вздохнул и принялся грызть ногти.

– Я просто хочу, чтобы все кончилось как можно скорее, – безжизненно прошелестел он.

– Все кончится очень быстро, – успокоил я. – Если только вы будете действовать по плану.

Я расплатился и торопливо направился к машине, оставив Игоря сидеть за столом. Город плавился от удушливой жары. Я чувствовал, как пот выступил у меня под мышками, а липкая капля пробежала по спине между лопатками. Пospешив нырнуть в салон, я включил кондиционер и, подставив холодному воздуху разгоряченное лицо, мрачно предположил, что парень откажется от битвы, принеся себя в жертву.

За несколько дней до этой встречи я сидел в офисе, пристроившись на подоконнике, курил и думал об Игоре. Учитывая размер состояния, охотников вести дело в суде было немало, но Игорь выбрал меня, и причина тому была одна. Любой, кто не боялся вступить в бой с Соколовым-старшим, автоматически становился для Игоря героем. Наша позиция была без-

упречна: незаконное удержание, что почти приравнялось к похищению, растраты денежных средств, угрозы и шантаж. Все, что меня беспокоило, так это не струсит ли Игорь в последний момент. И, кажется, опасения оправдались. У меня не было уверенности, что перед заседанием он не заберет исковое заявление из суда, и тогда я вынужденно умою руки.

Беспокоиться об этом я не стал. Я сумел изолировать Игоря от отца до суда, и, если он не выйдет на контакт с отцом сам, все будет хорошо. Я убедил его девушку – расчетливую, хитрую, готовую биться за наследство насмерть, что она должна оберегать инфанта от всяческих посягательств, и, кажется, она прониклась. Возможность, что Соколов доберется до сына, все-таки была. Но удача уже отвернулась от него в тот день, когда перепуганный мальчишка, решительно выдвинув вялый подбородок, попросил у меня защиты.

Я согласился. Тогда, уже несколько месяцев подряд, я старался загрузить себя работой по горло, засиживался допоздна и даже ночевал в жестком неудобном кресле, надеясь, что усталость возьмет свое. Но все это бесполезно. Они продолжают приходить ко мне, и я не знаю, где сон, а где реальность, просыпаясь от прикосновения холодных пальцев. Перед самым рассветом, в час, когда мои жена и сын умерли, ветер раздувает шторы в моем доме или в гостиничном номере, и сквозь тревожную дрему я слышу их тихие всхлипы и шепот, зовущий за собой. И тогда я просыпаюсь, глядя на запотевшие зеркала, где иногда отчетливо видны отпечатки маленьких ладоней. Мои руки тянутся к ящику стола с припрятанным «ПМ», и я думаю, что это – самый лучший, самый простой выход прекратить страдания и боль. И тогда я сползаю на пол, сжимаюсь в ком и вою, пока могу чувствовать и думать.

На встречу я опоздал на полчаса, но не очень переживал по этому поводу. Клиентов я предпочитаю встречать в конторе. Этот же настоял на визите в его дом, что мне не особо понравилось, отчего я, прежде чем ехать, навел справки. Учитывая недавние события в моей жизни, предосторожность была не лишней.

У входа меня встретил охранник с бычьей шеей и суровым взглядом. Передвигался он крайне неуклюже и мог защитить разве что от толпы нерасторопных подростков, на которых произвел бы впечатление его внешний вид. В деле подобные быки почти всегда бесполезны по причине своей нерасторопности, и спасти хозяина они могут, разве что накрыв его своим телом.

Тщательно обыскав, охранник проводил меня до дверей дома, помпезного, роскошного, без всякого стиля. Каждый кирпичик кричал: смотрите, здесь водятся деньги. Охранник подвел меня к двери, надавил на звонок, и, как мне показалось, с трудом сдерживался, чтобы не положить руку мне на плечо, чтобы передать конвоирование коллеге.

Двери открылись, в проеме показалась женщина в черной униформе, с суровым лицом. На меня она поглядела без всякого выражения.

– Иван Стахов, – представился я. – Адвокат.

Женщина с усилием растянула губы и открыла дверь шире. Я протиснулся в щель, одарив горничную дежурной улыбкой, на которую она не отреагировала. Пропустив меня внутрь, женщина закрыла дверь и с легким поклоном пригласила следовать за ней. Я последовал, попутно оглядываясь по сторонам, при этом стараясь делать это незаметно.

Дом Олега Юрьевича Рокотова впечатлял какой-то архитектурной несуразностью и смешением стилей, чего современные нувориши себе уже не позволяют. Возможно, оттого, что дом не был новым, в нем присутствовал весь нарочитый шик девяностых: обилие позолоты, мраморные херувимы, красные ковры, хрустальные люстры с искрящимися подвесками. Словом – не дом, а Эрмитаж. Впечатление усиливали картины на стенах, с жирными ангелами, Венерами и атлетическими мужчинами в простынях. И я очень сильно сомневался, что это

реплики на работы средневековых авторов. Скорее всего, Рокотов покупал подлинники, дабы было чем похвастать перед гостями.

Пятидесятилетний бизнесмен Рокотов вынырнул как раз в девяностые, и, как водится, его прошлое было темным. Позже Олег Юрьевич остепенился, пару раз проскочил в депутаты, а затем неожиданно оказался на телевидении, сперва в качестве телеведущего, затем продюсера, постепенно прибрал к рукам пару телеканалов, на которых появлялся с завидным постоянством. Публика Олега Юрьевича принимала прохладно, несмотря на брутальную внешность покорителя сердец, в итоге он сильно сократил свою телевизионную карьеру, сосредоточившись на производстве проектов. Личная жизнь Рокотова редко оказывалась под пристальным вниманием прессы. Пятнадцать лет назад отчаянно молодившийся Рокотов женился во второй раз. Супруга его охотно посещала светские рауты, но ни в чем предосудительном замечена не была. Пара воспитывала дочь Рокотова от первого брака, ни разу не попадавшую в скандальные истории. Точнее, не попадавшую до последних дней. Недавно Ксения Рокотова трагически погибла, не то выбросившись, не то выпав из окна своей квартиры. И я нисколько не сомневался, что Рокотов, не удосужившийся назвать причину нашей встречи, хочет поговорить именно об этом.

Горничная привела меня в кабинет, где в высоком кресле развалился хозяин дома, возложив босые ноги на стол. Я едва сдержался, чтобы не фыркнуть. Очень уж это напоминало серию штампов, призванных произвести впечатление: ноги на столе, бокал с недопитым коньяком... Я поискал глазами сигару и обнаружил ее в пепельнице, выкуренную наполовину. Вблизи было видно, что и льняная рубашка, и драные джинсы на Рокотове отличного качества. Мне стало даже немного неудобно за свой выдавший виды костюм, в котором я выглядел простовато для такого дома. Горничная стояла у меня за спиной, ожидая указаний, безмолвная, как статуя.

– окотовы

– Вы опоздали, – сурово сказал Рокотов.

– Прошу прощения, – смиренно ответил я, делая шаг вперед и протягивая руку для рукопожатия, – застрял с клиентом.

Рокотов не поднялся и на мой жест ответил лишь презрительным взглядом. Горе оставило на его холеном лице свой отпечаток, отчего морщины на скуластом лице стали резче.

– Вам было назначено определенное время, – холодно ответил он. – А время – деньги. Я не потерплю подобного разгильдяйства в делах, которые ведутся со мной. Надеюсь, вы меня поняли?

Я понял отлично, и потому без лишних слов развернулся на каблуках и вышел. Горничная чуть заметно сжала губы. Кажется, такое поведение в доме Рокотова не приветствовалось.

– Вы куда? О черт, вернитесь! – воскликнул хозяин дома.

Я прибавил шаг.

– Пожалуйста! – крикнул Рокотов.

На просьбу я решил отреагировать, хотя уйти хотелось больше. Вновь развернувшись, я вернулся в кабинет. Покрасневший от унижения Рокотов поднялся, зло глядя на меня и выдыхая воздух с яростью. Совладав с собой, он протянул мне руку. Я без лишних эмоций пожал ее.

– Ладно, я, – эти слова дались ему тяжелее всего, – я прошу прощения. Вы действительно еще не взяли на себя никаких обязательств, а я по привычке разговариваю с вами, как с подчиненным. Давайте присядем. Коньяк, виски? Или что-то еще?

– Кофе, если вас не затруднит, – ответил я, отведя взгляд от коньяка и торопливо сглотив. Рокотов, кажется, не заметил моей тяги и махнул рукой.

– Да какие тут затруднения... Леля, принесите гостю кофе.

Выпустив пар, Олег Юрьевич как-то сдулся, посерел и сник. Горничная скупно кивнула и направилась к дверям, едва не столкнувшись с высокой блондинкой лет тридцати в широком домашнем платье. Его изысканная простота говорила о том, что наряд довольно дорогой. Блондинка метнула на горничную гневный взгляд, а затем вопросительно поглядела на меня.

– Моя жена, Лара, – представил Рокотов. – А это Иван Стахов, адвокат.

Лара кивнула. Когда она подошла ближе, я заметил мелкие морщинки у глаз, говорящие, что женщина гораздо старше, хотя выглядела она идеально.

– Очень приятно, – сказала она певучим медовым голосом, и с горечью добавила – Если обстоятельства нашего знакомства можно назвать приятными...

Кофе подали почти молниеносно. Пока горничная сервировала столик, мы молчали. Лара от кофе отказалась, налила себе коньяку и, присев на подлокотник кресла, угрюмо уставилась куда-то в стену. Олег Юрьевич дождался, когда горничная выйдет, а я пригублю свой кофе.

– Речь пойдет о моей дочери Ксении, – обозначил он. – Недавно она умерла.

– Соболезную, – ответил я. Рокотов кивнул, Лара не пошевелилась.

– Благодарю, – горько вздохнув, произнес Олег Юрьевич. – Я... мне тяжело об этом говорить, но мы тяжело переживаем потерю. Все как-то навалилось: проблемы в бизнесе, затем Ксюша, а сейчас вот отец совсем сдал, переживает из-за внучки, боюсь, второго инфаркта он не переживет. Он и без того был сам не свой, когда скончалась мама, а потом еще это... Отец ведь внучку вынянчил с самой колыбели. Ксюша мой... была моим единственным ребенком, и теперь мы не знаем, как жить дальше... В полиции нам объявили: она выпала из окна, несчастный случай. Стул сломался, когда она вешала шторы, такое бывает. Когда мы приехали в больницу, Ксюша была в реанимации. Она продержалась еще сутки, а затем скончалась, не приходя в сознание.

Лара жарко задышала и залпом выпила свой коньяк. Я тактично помолчал, а затем произнес:

– Боюсь, я не совсем понимаю, чем могу помочь.

Рокотов поставил свою чашку так резко, что кофе выплеснулся на блюдце и стол. Рассеянно поглядев на коричневую лужу, Олег Юрьевич веско произнес:

– Видите ли, Иван, я подозреваю, что моя дочь была убита.

– Почему? – спросил я. – У вас есть основания не доверять результатам следствия?

Рокотов раздраженно закатил глаза, вскочил с места и, схватив сигару, стал ее яростно жевать, тыкая в лицо зажигалкой. Пока он безуспешно пытался прикурить, мне ответила Лара, обведя пространство вокруг вялым жестом.

– Вы же видите, где и как мы живем, верно? – вымученно улыбнулась она. – Мы богаты, Иван. Ксюша с детства была избалованным ребенком. Недавно она пожелала жить отдельно. У нее, видите ли, началась личная жизнь. Завела себе кавалера, съехала в квартиру, чтобы мы не мешали. Мы не возражали, оттуда до учебы добираться проще, да и скучно здесь, все-таки загородная жизнь не для молодежи. Квартиру в свое время отделявал стилист. Так вот: Ксения палец о палец не ударила. И тут, ни с того ни с сего, решила шторы перевесить? Боюсь, она не знала, с какой стороны там петли.

– Всякое бывает, – уклончиво возразил я. Лара помотала головой так, что ее локоны разметались по плечам.

– Бывает... – презрительно констатировала она, и добавила: – Но не с ней. Ксения даже чашки сама не мыла, складывала в посудомойку и не уверена, что утруждалась, чтобы затем вынуть посуду и расставить на полках. Иногда сваливала все в раковину, пока домработница не приводила все в порядок. Говорю вам, она была большим ребенком, совершенно не готовым к реальности. И вдруг – шторы. Это так же неправдоподобно, как увидеть в ее руках... я не знаю... швабру или пылесос. Да она не знала, как тостер включался...

Лара захлебнулась словами, проглотила из своего бокала последние капли и налила себе еще коньяку. Олег Юрьевич покосился на жену, но не стал возражать. Переведя на меня тяжелый взгляд, он продолжил:

– После ее смерти я пытался найти ее парня... Глеба Макарова. И не нашел. А ведь у меня масса возможностей, как вы понимаете. Для меня дико кого-то не найти, если надо. А его не смог. Глеб исчез в неизвестном направлении. Родители уверяют, что за день до смерти Ксюши он улетел отдыхать на Гоа, решил переосмыслить свою жизнь, якобы на их частном самолете. Я проверял, естественно. Бред. В день смерти Ксюши он был здесь, в Москве. Он не пересекал границы Индии, он вообще из России не выезжал, разве что по чужим документам. Так что прячется где-то.

– Зачем ему прятаться?

На лице Рокотова появилась жесткая ухмылка. Он покачал головой и поглядел на меня как на идиота.

– Причина очевидна, я считаю. Ксюшу убил Глеб.

– Почему вы так считаете? – спросил я, мысленно сделав зарубку на имени Макарова. Рокотов вернулся за стол, уселся на прежнее место и, с отвращением допив остывший кофе, проникновенно сообщил:

– Вы должны понимать, кто такой Глеб Макаров. Он – мажор, сынок Сергея Макарова, владельца «МосСтройНефти», никчемное, инфантильное убожество, наркоман. Родители давно махнули на него рукой, а он тупо прожигает жизнь. В какой-то момент ему встретила Ксюша. Она им была очарована: видите ли, Глеб малюет какую-то мазню, называя ее авангардным искусством, пишет стихи и рассказы, поет... Словом, упорно пытается влиться в ряды балаганных шутов. Но ей почему-то было с ним интересно. Они постоянно были вместе. В тот вечер соседи слышали шум, громкую музыку и крики. Ксюша с кем-то ссорилась. Кроме Глеба, к ней никто не ходил. И сразу после ее смерти этот уродец исчезает, да так, что его никто не может найти. Я уверен – между ними что-то произошло, Глеб ее ударил или толкнул, а затем выбросил тело из окна, чтобы замести следы.

– Так вы хотите найти Глеба? – уточнил я.

Происходящее нравилось мне все меньше. Рокотов решил устроить вендетту и, подобно урагану, вбирающему в себя все, попадающееся на пути, решил впутать в дело как можно больше людей. Но мне этого совершенно не хотелось. Рокотов, словно уловив мои колебания, жестко сказал:

– Я хочу узнать, что случилось с моим ребенком. И если для этого нужно найти Глеба – так тому и быть.

Я покачал головой.

– Боюсь, вы обратились не по адресу. Я – адвокат, а не частный сыщик. Почему бы вам не обратиться в полицию или в соответствующие структуры.

– Я же тебе говорила, – прошелестела Лара безжизненным голосом. Рокотов не обратил на нее никакого внимания.

– Иван Андреевич, – спокойно ответил он, – я буду говорить откровенно: мне не нужен просто частный сыщик. Полиция палец о палец не ударит, в лучшем случае найдут какого-нибудь бомжа, выбьют из него признание и, забрав денежки, со спокойной совестью окончательно закроют дело. Сыщики, возможно, Глеба найдут, но что дальше? Мне нужен человек, который будет в курсе дела от начала и до самого конца, чтобы потом в суде не пришлось искать потерянные доказательства. И потом, я ведь навел о вас справки. Вы были очень хорошим сыскарем. Вас не сдерживают никакие ограничения, вы говорите на двух языках. Если для дела вам придется ехать за границу, вы сможете это сделать, особенно при моих возможностях вам помочь.

– Мне кажется, что вам больше поможет собственная безопасность. Например, ее руководитель, господин Фионов.

Рокотов поджал губы, я ответил безмятежным взглядом. Естественно, я знал, что охрану Рокотова возглавлял бывший мент, майор Никита Фионов, человек с репутацией убийцы, не стесняющегося никаких грязных методов, за что в свое время его и поперли из органов, не дожидаясь выхода на пенсию. Мы с Фионовым никогда не сталкивались, но друг о друге слышали.

– Незадолго до смерти Ксении Фионов попал в больницу. Банальнейший аппендицит, осложненный перитонитом, – хмуро ответил Рокотов. – Дотерпел, одним словом. Идиотская история. И сейчас Никита, скажем так, не в строю, потому искать Макарова не может.

– А если Глеб не виноват? – прищурился я. Рокотов усмехнулся.

– Я не пытаюсь выставить его виновным, Иван Андреевич. Я ищу убийцу моей дочери.

– А если убийцы нет и это действительно несчастный случай?

Лара резко встала и бросилась к выходу, но муж удержал ее за руку.

– Я смирюсь, – ответил Рокотов с плохо разыгранным безразличием. – Ксюшу не вернешь, а карать невинных я не намерен.

Я поднялся.

– И все-таки я вынужден вам отказать. Специфика моей работы такова, что я не занимаюсь сыском. Если нужно, я буду представлять ваши интересы в суде и могу порекомендовать отличных сыскарей, готовых трудиться на износ. Розыском должны заниматься специальные агентства или полиция, а не адвокат. Так что еще раз прошу прощения.

Я развернулся и сделал шаг к двери, когда меня догнал вкрадчивый голос Рокотова.

– Я не сказал вам еще кое-что. Мне известно об убийстве вашей семьи, а также о том, что убийце удалось избежать наказания. Если вы найдете убийцу Ксении, я помогу покарать убийцу ваших жены и сына.

Я замер.

Прошлое прочно держало меня в своих щупальцах, не собираясь отпускать и лишь изредка позволяя вдохнуть и на миг ощутить себя живым. Вечерами ночной шепот сводил с ума, а вороненая сталь пистолета казалась все желаннее. Я почти перестал пугаться, видя смутные тени в собственной спальне, я уже совершенно не реагировал на падающие с полок фото и детские игрушки и почти не мерз под одеялом, чувствуя ледяные прикосновения. Смириться с тем, что их нет, а волк в человеческом облике все еще ходит рядом, было невозможно.

В кабинете внезапно стало очень холодно. Я инстинктивно сделал шаг в сторону, чтобы очутиться на солнечном пятнышке, падающем из окна. Что-то мертвое до сих пор ходило в этом доме, вынуждая меня откликнуться на немой призыв, и я был не в силах этому противиться. И потому, не поворачиваясь, я сказал:

– Мне нужно побывать в той квартире, где все произошло. А пока покажите мне ее комнату.

Наверх, в этот дом-музей, со мной поднялась Лара, вновь наполнившая свой бокал до краев. Хозяйка шла впереди, небрежно виляя бедрами, и то и дело пригубливала коньяк. До комнаты Ксении было довольно далеко, и к тому моменту, когда мы дошли до дверей, бокал оказался пустым. Лара открыла дверь и сделала приглашающий жест, не подумав подвинуться. Чтобы попасть внутрь, мне пришлось протиснуться мимо нее, почти вплотную прижавшись к ее груди.

От ее кожи пахло солнцем и чем-то кисловатым.

– До отъезда Ксюша жила тут, – пояснила Лара. – Мы ничего не меняли, надеялись, что она одумается и вернется.

Комната, большая, с высокими потолками, была окрашена в карамельно-розовый цвет такого приторного оттенка, что сводило зубы. Я подумал, что взрослая девушка добровольно покинула этот конфетный ад, чтобы не заполучить кариес. Посреди комнаты стояла большая кровать с нелепым балдахином, рядом стол, кресло на колесиках, пара тумбочек, трюмо с круглым зеркалом и большой шкаф. На тумбочках и трюмо я заметил несколько фото. Ксения предстала перед фотографом в одиночестве. Ее улыбка казалась грустной, иногда натянутой. Напротив кровати висел телевизор. Я сделал шаг вперед и оказался у стола с ноутбуком, над которым висели несколько рамок с фото. Но та, что находилась в центре, заставила меня замереть.

В квадратной раме черного цвета, на красном фоне была прикреплена бабочка: средних размеров, с белыми, почти прозрачными крылышками, и рисунком в виде черного глаза, призванного отпугивать птиц.

Холодные пальцы прикоснулись к моей руке.

Я резко обернулся, подумав, что это Лара, но та по-прежнему стояла у дверей, глядя на меня с тоской.

– Это Ксюша в детстве увлекалась, – пояснила она. – Любила бабочек очень. А эту поймала на Алтае, очень гордилась удачей, потому что это очень редкий экземпляр... Называется, кажется...

– Мнемозина, – сказал я хриплым голосом. – Действительно редкая бабочка. Вашей девочке повезло.

– Неужели? – высокомерно спросила Лара, но спустя мгновение ее лицо исказилось, и она разрыдалась.

Мои близкие были убиты весной.

Я работал опером и почти все время занимался тем, что ловил на улицах всяких тварей в человеческом облике. Будь у меня талант, я писал бы ужастики похлеще Стивена Кинга. За десять лет перестаешь удивляться, до какой низости и жестокости может опуститься даже вполне приличный с виду человек. Странно, но сейчас я по-другому смотрю на происходящее, понимая, что для человека нет ничего важнее семьи. Тогда же я, как идиот, ставил на первое место долг, ничего не делая для того, чтобы спасти свой разваливающийся брак. После работы, прямо за столом в отделении, я напивался, чтобы отогнать чудовищ, с которыми имел дело весь день, а затем, пьяный и злой, шел домой, к жене и сыну, срывая на них свое раздражение. Лена делала все возможное, чтобы семья не развалилась, а Артем... Что ж, мне стыдно признаться, но я его пугал. Мне кажется, что сын боялся отца больше, чем любил его. Во всяком случае, я не помню, чтобы после новогодних праздников Артем бежал ко мне, как раньше, обнять после рабочего дня. У меня не хватало сил на нежности. Наскоро поужинав, я падал в кровать.

Это были тяжелые дни. В городе завелся маньяк, с завидным постоянством нападавший на женщин и детей. Этот зверь был хитер, постоянно менял место нападений. Далеко не сразу все дела объединили в одно производство. В конечном итоге его искал уже весь город. Нас постоянно дергали все кому не лень, пресса извращалась в остроумии, считая, что мы не выполняем и сотой доли того, что делали на самом деле. Ежедневно я вздрагивал от телефонных звонков, в которых торопливый голос дежурного сообщал о новой жертве, найденной где-то в лесополосе. Мертвые женщины и дети с признаками насильственной смерти поступали в морги раз в месяц, затем раз в две недели, в неделю, раз в три дня, изуродованные, искромсанные ножом, почти неузнаваемые. Я почти не спал, глуша стресс водкой.

А затем нам повезло, как это часто бывает, совершенно случайно. Одна из жертв выжила и смогла дать показания, хотя ее нынешнее существование трудно назвать везением. По описанию мы смогли выйти на некоего Андрея Чигина, работающего в службе доставки писем и посылок. Чигин мотался по всему городу на старой «Мазде», попутно присматривая себе новые жертвы.

Брал Чигина я, вместе с опергруппой. Он почти не сопротивлялся и только скалился окровавленным ртом. Доказательства его вины были железными, а бесплатный адвокат не сделал почти ничего, чтобы вытащить подзащитного на свободу. Думаю, юрист и сам испытывал к нему глубочайшее отвращение и страх, отчего и стремился сбить трудного клиента с рук. Я испытывал схожие чувства, надеясь, что после задержания Чигина ко мне вернется сон.

Я не успел вдохнуть жизнь полной грудью, когда ночной гость ворвался в мой дом.

Чигин умудрился сбежать. Разыграв эпилептический припадок, он попал в больницу, а оттуда, задушив медсестру, отправился прямо ко мне домой.

Мне до сих пор неизвестно, откуда он узнал мой адрес. Я долго пытал адвоката, следователя и оперов, имевших с ним дело, но никто не признался. Конечно же его искали. И, разумеется, не нашли. Все, что мне оставалось на протяжении долгих месяцев – скорбеть, ненавидеть, искать.

Я бросил пить, хотя трезвость была невыносима, но я сознательно ковырял незаживающие раны, не позволяя себе расслабиться.

Еженедельно я навещал Таню – жертву маньяка, влачащую после нападения Чигина жалкое существование.

Почти каждую ночь я слышал тихий шепот призраков в своем доме.

А затем я встретил ее.

После беседы с хозяевами я выразил желание как можно скорее посетить квартиру Ксении. Лара пожала плечами, а Рокотов скупно кивнул.

– Леля вас проводит.

Горничная, избавившаяся от передника, ждала меня у дверей, почтительно открыла двери и пропустила вперед, чуть ли не поклонившись в пояс, а затем последовала за мной к машине, дождалась, пока я открою дверь и чинно устроилась на переднем сиденье.

– Нам нужно на улицу Павлова, – ровным, лишенным интонаций голосом произнесла она. – Сто второй дом. Если позволите, я введу данные в навигатор.

– Я знаю, где это, – возразил я и тронулся с места, искоса разглядывая попутчицу в зеркале. Горничная была некрасива: с выступающими вперед зубами, крупным носом и маленькими глазами, придающими ей сходство с крысой. Я невольно подумал, что красавица Лара вряд ли потерпела бы в доме соперницу даже из числа прислуги, поскольку адюльтеры хозяев и безвестных кухарок – дело вполне обычное.

Несколько минут мы ехали молча, а затем я небрежно сказал:

– Леля – довольно странное имя. У него есть какая-то история? Что-нибудь тюркское?

– Меня зовут Елизавета, – равнодушно ответила Леля. – Хозяйка порой любит давать странные прозвища. Лиза слишком простонародно звучит, поэтому я превратилась в Лелю.

– Интересно, – прокомментировал я. – А как хозяйка называла Ксению?

– Вряд ли я имею право обсуждать с вами подробности жизни Рокотовых, – хмуро ответила Леля, глядя перед собой. – Простите.

– Бросьте, Леля, – примирительно ответил я. – Я же тоже в какой-то степени нанятый персонал, так что для вас я – свой. Между собой ведь вы обсуждаете хозяев, верно?

– Я стараюсь этого не делать. Неизвестно, кто пойдет к хозяевам с докладом. А терять выгодное место мне не хочется.

– Послушайте, Леля, – поморщился я. – Девочка погибла, мне поручено узнать почему. Каким образом я это сделаю, если мне никто ничего не рассказывает?

– Сейчас направо, – спокойно произнесла она. Я послушно повернул, ожидая продолжения, но Леля не сказала больше ни слова, продолжая глядеть вперед. Я раздраженно сжал губы, а затем примиряющее произнес:

– Хорошо, давайте не будем про Ксению. Расскажите о ее молодом человеке. В этом отношении у вас нет табу?

– Глеб – очень положительный мальчик, – без всякого выражения начала Леля. – Из хорошей семьи, отлично воспитан, и, как и Ксения, был немного не от мира сего. Напрасно о нем говорят как о бездаре. Глеб – невероятно талантлив. Я видела его картины и могу заверить, они очень и очень неплохи, так что делать из него бизнесмена согласно семейным традициям, на мой взгляд, ошибка. И я не думаю, что он мог причинить Ксении какой-то вред. Глеб мухи не обидит, к тому же он не атлет. Если он имел какое-то отношение к случившемуся, скорее всего, это произошло случайно. Я вполне верю официальной версии, что Ксюша пыталась что-то сделать со шторой.

– Рокотов считает Глеба наркоманом, – сказал я.

– Кто сейчас не наркоман? – ответила Леля, и мне показалось, что я вижу тень усмешки на ее бескровных губах. – Нет, не думаю, что он употреблял что-то серьезнее травки, да и то – для вдохновения. Художники часто к этому прибегают.

– Вы так уверенно об этом говорите...

– Иван Андреевич, я по образованию – искусствовед, – ответила женщина и ее улыбка стала очевиднее, – так что просто поверьте, я знаю, о чем говорю. Я вам массу примеров могу из истории привести: Пикассо, например. Или Дали. Так что Глеб не был в этом отношении исключением. Думаю, что он употреблял что-то для разгона, если вы меня понимаете...

– А Ксения?

Лицо Лели захлопнулось, словно створки устрицы, вновь став непроницаемым.

– Скорее нет.

– Глеб плохо влиял на Ксению, по словам Рокотова. Вы так не считаете?

– То, что я считаю, не имеет никакого значения, – отрезала Леля. – Девочка умерла, Иван Андреевич, и воскресить ее не помогут никакие деньги. Это горе, конечно, и тяжелая утрата, но уже ничего не поделать. Ни к чему губить еще и парня, особенно если он не имеет к этому никакого отношения.

– Для человека, не имеющего на этот счет никакого мнения, вы как-то слишком рьяно защищаете Макарова, – заметил я.

Леля пожала плечами.

– Знаете, как пел Высоцкий: «Я не люблю, когда невинных быют», – ответила она и вновь уставилась в окно. До конца нашей поездки Леля больше не сказала ни слова, оставив у меня твердое убеждение, что в ее душе кроются какие-то темные тайны.

Интересующая нас квартира располагалась в высотке, неподалеку от соснового бора, из которого дома торчали, словно грибы. Чисто теоретически это была заповедная зона, но в свое время бизнесмен Боталов умудрился отжать этот участок путем каких-то мутных махинаций. Помнится, я пытался выжать о застройке необходимые сведения и даже задал пару вопросов сыну Боталова, телезвезде Егору Черскому, но быстро обломал зубы. Заповедную зону быстро перепахали бульдозерами, часть рощи вырубili, на освободившемся месте натыкали много-

этажек, назвав район элитным. Рядом с домами открыли сеть супермаркетов и кафе, превратив тихий уголок в обжитой улей и разорив держателей крохотных магазинчиков.

Дом, в котором жила Ксения Рокотова, выглядел респектабельным. Высотка в тридцать этажей, сверкающая синими стеклами балконов, подпирала небеса. Въехать на стоянку без специального разрешения было непросто. Правда, я бы не назвал охранника особо ретивым и полезным. Его роль выполнял худой мужчина средних лет, один глаз которого был закрыт бельмом. Заметив Лелю, показавшую пластиковую карточку пропуска, он чуть заметно кивнул ей и открыл шлагбаум, пропуская нас внутрь. Приткнув машину на свободный пятак, я проследовал за горничной к входу, где нам вновь пришлось продемонстрировать пропуск бдительному консьержу. Лелю он пропустил без проблем, а вот у меня потребовал документы. Расписавшись в журнале посетителей, я направился к лифту, и, когда кабинка взмыла вверх, оставив в желудке неприятное чувство, спросил:

– Что вы такое показывали?

Леля продемонстрировала запаянный в пластик пропуск с фотографией и фамилией, снабженный витиеватой вязью, складывающейся в название жилого комплекса.

– Это пропуск для прислуги, – сказала она. – Такой есть у всех, кто приходит сюда убираться постоянно.

– У Ксении убирались вы?

Леля кивнула.

– На самом деле работы было немного. Ксюша редко сидела дома. Я приходила трижды в неделю. Иногда даже дважды, а порой не приходила вовсе, когда ее не было дома, – пояснила она, и в ее голосе я впервые услышал извиняющиеся и даже какие-то жалкие нотки. – Лариса Игоревна совершенно права: Ксения была совершенно неприспособленна для ведения хозяйства самостоятельно. Она ничего не умела, но при этом за ней не приходилось собирать вещи по всему дому. Разве что вот посуду она не мыла по несколько дней. Но одежду убирала в шкаф, а белье стирала самостоятельно.

– Думаю, что не в тазу, – невесело улыбнулся я. Леля не ответила, поскольку лифт остановился на последнем этаже. Мы вышли и направились по гулкому коридору, окруженные неприятной тишиной. Леля подошла к тяжелой двери, сунула ключ в замочную скважину и потянула створку на себя, вновь пропуская меня вперед.

Я вошел. Меня встретили тишина и затхлый запах непроветриваемого помещения. К моему удивлению, Ксения жила не в пентхаусе, хотя квартира оказалась довольно просторной, почти в два раза больше моей. Дизайнер сделал из нее большой лофт: стильный, но почему-то неуютный из-за серых стен, фрагментарно облицованных белым фальш-кирпичом и украшенных яркими полотнами без рам. Первое, что мне бросилось в глаза, были огромные, в пол, окна, которые не открывались.

– Как же она умудрилась выпасть? – удивился я.

Леля повела подбородком вправо, и там я увидел обычное окно, с двумя распахивающимися створками, светлым мраморным подоконником, переходящим в барную стойку и мойку со столешницей. Под окном лежала стильная трехногая табуретка с отломанной конечностью. С гардины свисала наполовину сорванная занавеска.

– Олег Юрьевич запретил здесь что-то трогать, – прошелестела Леля.

– Очень мудрое решение, – похвалил я и, сняв обувь, проследовал вглубь квартиры. Горничная осталась у дверей, подперла спиной стену и уставилась в пол, не пытаясь мне помочь или помешать.

Первым делом я осмотрел кухню, внимательно обследовав широкий подоконник. Забравшись на него, я открыл створку и выглянул наружу. Окно огораживал небольшой ажурный балкончик, скорее декоративный, чем функциональный, с двумя аккуратными ящиками, засаженными маргаритками. На всякий случай я подергал перила балкончика. Те даже не дрог-

нули. Высунувшись еще дальше, я поглядел вниз. На асфальте не осталось никаких следов от крови. Думаю, жителям элитной высотки не понравилось, что под окнами разбрызгали чьи-то мозги. Интересно, кто смывал следы? Надо будет поискать дворника. Поднявшись и вытянувшись во весь рост, я поднял руки к занавескам, и сделал шаг назад.

– Осторожнее! – воскликнула Леля. – Что вы делаете? Хотите следом вывалиться?

– Пожалуй, нет, – ответил я и спрыгнул вниз, решив не объяснять причин своего эксперимента.

Кухня была аккуратно прибрана, но на столешнице лежал тонкий слой пыли. В мойке стояла грязная чашка из-под кофе. На гуще пустила щупальца зеленая плесень. Открыв дверцу под мойкой, я вынул мусорное ведро и, не найдя газету, вывалил содержимое прямо на пол.

– Вы просто варвар какой-то, – не выдержала Леля. Я промолчал, брезгливо ковыряясь в мусоре шариковой ручкой.

Ничего интересного я не нашел: много окурков, некоторые были выпачканы помадой, другие – нет, упаковка от презерватива, тампон, несколько ватных дисков, шкурки от банана и апельсина, выпачканные краской тряпки, упаковки от продуктов, преимущественно быстрого приготовления.

– Мусор Ксения выбрасывала сама или это тоже было вашей обязанностью? – спросил я.

– Как когда, – ответила Леля. – Иногда это делала я, иногда Ксения выбрасывала сама, потому что, сами понимаете, вонять будет. А что?

Я предпочел оставить ее вопрос без ответа. Сдержанность Лели куда-то делась, и я совершенно не собирался объяснять каждый свой шаг. Вместо этого я бегло оглядел гардероб, отметив, что при жизни Ксения предпочитала одеваться со скромной роскошью. Вещи, совершенно неброские, лишённые присущей золотой молодежи вычурности и пошлости, явно покупали в дорогих магазинах, при этом хозяйка относилась к ним без особого почтения. Кроме вещей Ксении на вешалках я нашел несколько мужских маек, свитер и куртку. Вынув свитер, я показал его Леле.

– Это кофта Глеба, – пояснила она и сочла нужным добавить: – Мальчик вечно мерзнет. Дом элитный, а отопление дают как везде.

Я взял на заметку это вырвавшееся «мальчик», но не подал виду. Фотографий в гостиной не было. Разве что таковыми можно было считать картины, на которых бесспорно была изображена Ксения. Я не очень разбираюсь в живописи, но даже моего дилетантского взгляда хватало, чтобы понять: автор, изобразивший Ксению, если не гениален, то очень даровит. На полотнах девушку писали в странной технике, несколькими перетекающими друг в друга цветами, при этом выглядело это невероятно гармонично. Картины завораживали настолько, что я подумал: вот это я бы повесил у себя дома. Мне даже не требовалось спрашивать Лелю, кто автор.

На балконе, широком и длинном, мебели почти не было, разве что пара складных стульев, разбросанные по полу подушки и большой немытый кальян. Рядом, на плитках, стояли два грязных винных бокала и полупустая бутылка бордо. К стене прислонили набросок: Ксения, в странной скрюченной позе, обнимала колени. Широкие росчерки за ее спиной складывались в крылья бабочки. Если я все правильно понимал, художник собирался написать Ксению обнаженной.

Чем больше проходило времени, тем отчетливее я понимал, что в квартире не найду ничего подозрительного. Я обшарил туалет, сунув нос везде, где было можно, и не увидел ничего особенного, обыскал все тумбочки и ящики и, наконец, поднялся по винтовой лестнице в спальню, обставленную еще проще. Здесь не было даже кровати: просто матрас на полу перед большим окном, крохотная тумбочка, на которой валялась книга Шарлотты Бронте. И здесь меня ожидала первая находка: несколько упаковок успокоительного и антидепрессантов. Часть упаковок была вскрыта и наполовину опустошена, некоторые были даже не распакованы,

словно девушка набирала их впрок, при этом никаких рецептов в тумбочке я не нашел. Но не это приковало мое внимание.

Напротив кровати висела еще одна картина, выполненная в той же манере. Это был портрет, на котором Ксения выглядела совсем юной и как будто расстроенной. На полотне девушка была обнажена, а одежду ей заменяли облепившие фигуру белые бабочки.

Неясный шепоток послышался за моей спиной. Я обернулся, подумав, что в комнату поднялась Леля, но комната была пуста. Я вновь перевел взгляд на картину.

Крылья бабочек дрогнули. Я зажмурился и вновь уставился на картину.

Ничего.

И когда я окончательно уверился в том, что мне померещилось, холодные мертвые пальцы прикоснулись к моей шее.

Побеседовать с Фионовым было задачей первостепенной значимости, и я не стал с этим тянуть. Начальник безопасности олигарха явно должен был знать о жизни его дочери многое, и уж кому-кому, а именно начальнику безопасности следовало рыть землю после смерти Ксении. Мне не нравилось, что дело поручили мне, и еще больше, что мне придется разговаривать с Фионовым.

Рокотов отдал мне результаты экспертизы, и, читая их, я понял, что его сомнения были обоснованы. Тело Ксении нашлось на расстоянии, которое свидетельствовало, что, если она и выпрыгнула из окна, то сделала это с разбегу, к тому же основной удар пришелся на грудь и руки, а не на ноги, как обычно у самоубийц. Не всегда, конечно, но я из опыта помнил: прыгунов, делающих «рыбку», в разы меньше тех, кто просто шагает в пустоту. В крови девушки не было ничего существенного, кроме легкой доли алкоголя, соответствующего бокалу вина или бутылке пива. Конечно, девушку могло унести и с такой дозы, но я в этом сомневался, молодежь нынче крепкая.

Я без труда нашел бывшего коллегу. Дорога к коттеджному поселку, где он обитал, была тщательно ухожена, недавно тут положили новый асфальт. Навстречу мне выехала красная спортивная машинка, посигналив перед шлагбаумом, который взмыл вверх, пропуская ее вперед. Я не разобрал, кто сидел за рулем, солнце отражалось от лобового стекла спорткара, но вряд ли это был мой экс-коллега. На таких машинах нормальные мужчины не ездят, слишком уж вызывающе и легкомысленно выглядело авто.

С тех пор как Никита ушел из полиции, утекло немало воды. Он заматерел, располнел, слегка залоснившись от сытных харчей Рокотова, съехал с квартиры в собственный дом, который всем видом показывал: эй, смотрите, сколько у меня денег! Конечно, по сравнению с хоромами Рокотова особнячок Фионова был гораздо скромнее, но мне бы на такой не хватило денег, даже если бы я защищал в суде без передышки еще лет десять. У дома стоял «Лендкрюзер», хищно сияющий черным лаком. Я провел ладонью по капоту, обнаружив, что тот теплый. Леля обещала предупредить Фионова о моем визите, так что тот, скорее всего, поспешил вернуться домой. Конечно, я мог бы назначить встречу дома у Рокотова, но мне казалось, что под бдительным взором хозяина Фионов поостережется откровенничать.

Никита вышел мне навстречу, двигаясь излишне осторожно, так что новость о перенесенной операции, скорее всего, была правдивой, но я решил не доверять первому впечатлению.

– А, Стахов... – скривился Фионов, словно и не ожидал увидеть меня. – Вот и верь в наше время в идейных и неподкупных ментов. Все уходят на вольные хлеба, какими бы орлами ни летали.

– Ну ты же ушел, – усмехнулся я. – Хотя тоже орлом летал.

Фионов не удостоил меня рукопожатием и слабо махнул, приглашая следовать за собой. Я двинулся следом по узкой кривоватой дорожке, мощенной песчаником. В дом меня тоже не позвали. Фионов предпочел беседовать на свежем воздухе, по-барски предложив устроиться в беседке, увитой виноградными лозами. Я сел. Фионов, кривясь, устроился в кресле-качалке, баюкая правый бок. На меня он поглядел с заметным отвращением. Я молчал, разглядывая хозяина. Тому следовало сбросить несколько килограммов, походить в зал, а красноватые белки глаз и мешки под ними говорили, скорее, не о перенесенной операции, а об обильных возлияниях. Если мои предположения верны, Рокотов нанял меня потому, что Фионову не доверял из-за пагубных привычек.

На столе в беседке сверкал острыми гранями графин с коричневой жидкостью и пара стаканов. Внутренний голос подсказывал, что это не чай. Хозяин украдкой бросил на него взгляд и торопливо облизнул пересохшие губы. Я ждал.

Фионову не понравилось, что я его разглядываю. Он дернул шеей, выставив ее на обозрение, и под воротом рубашки я заметил несколько свежих царапин, которые сложно было бы списать на опасное бритье.

– Я – другое дело, – сказал Фионов. – Меня скушали много лет назад, а про твою твердолобость легенды складывали, обсуждали хватку и принципы, хотя, как по мне, там дурости было больше, чем принципов, а, может, всего серединка на половинку. И тут – бац, такой фортель, Стахов – адвокат. Не думал, что тебя смерть жены так ломает. Наши поговаривали, что ты мстить хотел, но не нашел Чигина.

Я вонзил отросшие ногти в ладонь, пытаюсь удержать лицо. То, как походя Фионов упомянул о смерти моих близких, явно было скользким желанием вывести меня из равновесия.

– Не нашел, – ответил я как можно спокойнее. – Потому и свалил из конторы. Профдеформация. Не мог беспристрастно на жмуrow глядеть. Как здоровье твое?

– Профдеформация... – проворчал Фионов. – Слово-то какое, умное, да бессмысленное. Здоровье мое не очень. Но я еще ого-го. Ты про Ксению пришел поговорить? Мне Леля звонила, предупреждала.

– Про нее. Есть что сказать интересного?

Фионов пожал плечами, потянулся к бутылке и, скривившись, плеснул в стаканы алкоголь. Я свой вежливо взял, но пить не стал, согревая виски в ладонях, а вот Фионов свою порцию заглотнул, не поморщившись.

– Да особенно нечего, – выдохнул он и слегка проморгался. – Девчонка обычная, со своими бзиками. Жила тихо, номеров не откалывала, с родителями не ссорилась, как все, одним словом. Парень был, тот самый Глеб Макаров. Чего не пьешь? Вискарь отменный.

Я сделал небольшой глоток и кивнул, мол, оценил.

– Рокотов полагает, что Глеб ее из окна вытолкнул, – негромко сказал я.

– Знаю. Шут их разберет, Стахов. Я за Ксенией не ходил. Она вообще от охраны отказывалась, да ей она особо и не требовалась. Некоторое время я, по просьбе Олега Юрьевича, к ней приставил паренька одного из наших конторских, но потом шеф снял охрану.

Фионов налил себе еще, потянулся ко мне с графином, но я покачал головой, показав, что у меня еще есть, и спросил:

– Почему?

– Девчонку это раздражало. Повода не было усомниться в ее безопасности, потому мы от охраны отказались.

– Интересно, – медленно сказал я. – То есть Рокотов вдруг захотел, чтобы за дочерью ходил охранник, а затем передумал? Тогда возникла какая-то опасная ситуация?

Фионов поглядел на меня исподлобья, и в его взгляде вспыхнула злость.

– Я не знаю, – буркнул он. – У нас никаких нежданчиков не было. Это буквально пару недель продолжалось.

– Можешь мне устроить встречу с вашим сотрудником?

– На кой? – грубо спросил Фионов и со стуком опустил стакан на стол. – Совершенно лишняя процедура. Ничего он путного не скажет. Да и не работает он у нас больше.

– Что так? – удивился я. Внезапный уход сотрудника охраны олигарха после смерти его дочери выглядел подозрительным.

– Уволился, – раздраженно ответил Фионов, поглядел на графин, в котором стремительно убывал виски, и, не выдержав, налил себе еще, больше не предлагая мне. – По собственному желанию. Нечего мне тебе сказать, Стахов.

Фионов попытался встать, но ему это удалось только со второй попытки. Виски его уже забирал, шов от аппендицита давал о себе знать, и потому его попытки были неуклюжими, что еще больше вывело Никиту из себя. Я остался на месте, позволив Фионову, всем видом демонстрирующего, что визит окончен, нависать надо мной.

– Чего сидим, кого ждем? – не выдержал он. Я усмехнулся и встал, глядя Фионову прямо в глаза.

– По-моему, ты мне по ушам ездешь, Никит. Я вроде не ради праздного дела интересуюсь, я докопаться до причины смерти Ксении хочу, дочери, на минуточку, твоего шефа, и как бы я тут не потому, что мне страсть как захотелось тебе морсу и апельсинов притащить.

На лице Фионова заходили желваки, и он, сделав шаг вперед, почти уперся в меня, распростирая сивушную вонь перегара. Я даже подумал, что он меня боднет широким костистым лбом, но Фионов, плотно сжал губы, да так, что они превратились в тонкую линию, лишь сопел.

– Шчас расплачусь, – наконец, сказал он. – И в жилетку тебе уткнусь. Я, Стахов, тоже опер, тоже бывший, и нюх у меня не хуже твоего. Только шеф на меня в обиде за то, что я его кровиночку проглядел, нового пса завел, а старого в утиль списал. Мне теперь возвращаться некуда. С больничного выйду, мне пинка под зад дадут. Теперь ты главный. Вот и бегай, пес, рой землю. Я тебе помогать не буду. Да и нечего мне сказать.

Я улыбнулся и развел руками.

– Ну, на нет и суда нет. Кстати, а царапины у тебя на шее откуда?

– Супруга в порыве страсти расшалилась, – холодно ответил Фионов. – Обожает меня уже много лет, душа в душу живем, радуем друг друга. Так что визит окончен. Иди, Иван, пока ветер без камней. Провожать не буду.

– Я уйду, – пообещал я. – Только скажи мне, как звали ее уволившегося охранника.

Фионов помолчал, а затем раздраженно выдернул из кармана телефон. Повозив по экрану пальцем, он открыл контакты и зло сунул телефон мне под нос.

– На, смотри! Сухоруков Андрей, отчество не помню. Не думаю, что он будет тебе полезен, но моя совесть чиста хоть останется.

– Спасибо тебе, – серьезно сказал я, но Фионов посчитал мои слова издевательством.

– Пошел ты, Стахов! – прошипел он и торопливо, насколько позволял шов после операции, направился к дому.

Телефон Андрея Сухорукова не отвечал. Я сделал несколько попыток, но никто не снял трубку.

Через два часа я наведлся к Семену Броху. Семен жил и работал в ювелирном салоне неподалеку от мэрии. Жил он, естественно, не в самом салоне, а над ним, в просторной квартире, со всем своим выводком. Старшие дочери Семена – носатые, грудастые, волоокие – трудились тут же, обслуживали клиентов, предлагая золото-серебро, и томно вздыхали, когда в поле зрения попадался мужчина подходящего возраста. Сарочка и Розочка, неотличимые друг

от друга, одинаково некрасивые, давно переспевшие груши, до сих пор не были пристроены отцом замуж. Младшие девочки то и дело мелькали в салоне, и я, признаться, не помнил точно, сколько у Броха детей – восемь или девять, да и идентифицировать их в лицо было сложновато, поскольку все они были словно отлиты из одной формы. Точно мне было известно, что лишь под старость Броху удалось родить себе наследника.

Несколько лет назад я оказал Броху услугу. И теперь беззастенчиво пользовался его осведомленностью, что крайне не нравилось старому плешивому плуту. Но отказать мне он не мог, к тому же я часто оказывался полезным.

При виде меня Сарочка и Розочка расплылись одинаковыми лошадиными улыбками и выпятили грудь. Напрасное, между прочим, старание, учитывая, что отец никогда не отдал бы их за гою.

– Семен Натанович на месте? – учтиво спросил я.

– На месте! – хором ответили близняшки и бросили друг на друга гневные взгляды, а затем одна, наиболее расторопная, произнесла: – Я провожу.

– Да я помню дорогу, – попытался я отказаться.

– Ну что вы, Иван... Андреевич, – возразила Сарочка, а, может, Розочка. – Меня это нисколько не затруднит, а сестра тем временем присмотрит за магазином.

Вторая близняшка вымученно улыбнулась, а я нисколько не сомневался, что, после того как за последним покупателем закроется дверь, счастливице припомнят ее поспешность.

Кабинет Броха располагался на втором этаже, куда вела узкая винтовая лестница. Провожая меня, Сарочка (или Розочка) умудрялась прижиматься ко мне всем телом, поражая чудесами эквилибристики. Я подумал, что старому прохвосту нужно перестать так придирчиво копаться в претендентах на руки дочерей, иначе это плохо кончится.

У дверей кабинета близняшка с сожалением со мной простилась. Дочери никогда не входили в кабинет отца вместе с посетителями. Выждав, пока шаги провожатой стихнут, я дважды стукнул костяшками пальцев по двери.

– Семен Натанович, это Стахов. Надо поговорить.

За дверями звякнуло. Я представил, как Брох, словно царь Кащей, торопливо пересыпает золото в закрома и запирает сундуки, а затем послышалось глухое покашливание, что можно было расценить как приглашение. Я медленно нажал на ручку и вошел.

Брох сидел за столом, на котором, кроме антикварного бутафорского телефона и малахитового пресс-папье, не было ничего: ни бумажки, ни ручки, ни завалящей цапки. Увидев меня, Брох чуть заметно поморщился, дольше чем следовало, дабы показать, как он мне не рад. Я оценил, но сделал вид, что не заметил. Эти игры были давно известны и мне, и ему. Иногда мне казалось, что мы с Брохом – два карточных шулера, готовящихся друг друга кинуть.

Брох обратился ко мне, когда я еще работал в отделе. Была не по сезону холодная осень. Брох просто пришел в кабинет и попросил о разговоре с глазу на глаз. Дождавшись, пока мы останемся одни, он с гримасой боли стащил с руки перчатку, и я увидел, что рука перетянута бинтом. Произошел стандартный наезд, пояснил он. Пропали деньги, и Броху пришлось отвечать. Жора Бетон прижигал руку Броха зажигалкой, требуя вернуть недостачу, которая канула в неизвестность. Я принял страдания старого еврея близко к сердцу и с определенными сложностями установил, что деньги украл водитель Жоры Бетона. Дальнейшая судьба водителя меня не интересовала, а Брох, оправившись, стал клясться в вечной дружбе. Правда, спустя пару лет его энтузиазм подувал.

– Ванечка, дорогой, – льстиво улыбнулся Брох и раскинул объятия, намереваясь меня обнять. – Как я рад тебя видеть!

Я обнял старого прохиндея и, получив царственный приглашающий кивок, уселся напротив.

– Каждый раз прихожу к тебе, Натаныч, и каждый раз думаю, что ты рад меня видеть, – усмехнулся я.

– Так, Ванечка, я таки знаю этикет, – прищурился Брох, старательно добавляя в тон побольше кошерности. – Знаешь, что это? Это когда евреи думают: «Чтоб ты сдох», а говорят: «Добрый вечер».

– Обожаю, когда ты хохмишь.

Улыбка с лица Броха медленно сползла, превратившись в гримасу. Он сердито поглядел на меня из-под насупленных бровей и с неожиданной резкостью сказал:

– Ванечка, я старый больной человек, и мне нет желания плясать вокруг тебя мазурку. Все эти цирлих-манирлих не для меня. Скажу-таки, я слишком стар даже для того, чтобы записывать меня в сексоты. Если ты думаешь, что твои визиты ко мне остаются незамеченными, то глубоко ошибаешься. Люди задают вопросы, Ваня, и рано или поздно мне придется на них ответить. Я тебе очень благодарен за помощь, но видеть твой благородный профиль так часто – скверно для моей репутации. Если у тебя есть ко мне вопросы, на этот счет умные люди изобрели телефон, а также интернет и массу других полезных приспособлений. К чему эти гангстерские выходки?

– К тому, уважаемый, что мы с тобой это уже проходили, – ласково ответил я. – По телефону ты поспешишь сказать, что ничего не знаешь, а вот при личной встрече мой благородный профиль на тебя действует как сыворотка правды. Так что я предпочитаю личную встречу, тем более все равно ехал мимо.

Брох поморщился, отчего его лицо стало похожим на раздавленную сливу.

– Чего ты хочешь на этот раз?

Я наклонился вперед и негромко произнес:

– Меня интересуют два семейства. Семьи Олега Рокотова и Сергея Макарова, особенно интересуют их дети: Ксения и Глеб. Хотя вряд ли ты что-то о них слышал.

На лице Броха появилось облегчение.

– Что ты хочешь узнать?

– Все, – отрезал я. – Дочь Рокотова погибла, а сын Макарова исчез. Рокотов не верит в самоубийство.

– И, видимо, думает, что во всем виноват этот анемичный юноша? – усмехнулся Брох. – Я в жизни, конечно, многое видел, но Глеб не производит впечатления убийцы. Если Ксенечку действительно кто-то убил, искать нужно где-то еще.

Я подумал, что уже второй человек дает такую характеристику Глебу, но делать выводы не спешил. В моей практике слишком часто встречались убийцы с ангельскими лицами. Вместо этого я предложил Броху продолжить.

– Ну что тебе сказать про Макаровых? Обычные, среднестатистические миллионщики, без закидонов, – пожал плечами Брох. – Знаешь, их довольно сложно зацепить. Не азартны, не алкота, не наркоманы. Сергей Павлович – мужчина обстоятельный и, разбогатев, не сменил свою Наташу на молоденькую модельку. Как поженились двадцать лет назад, так и живут. Глебушка у них единственный ребенок, наследник империи, но сильно сомневаюсь, что когда-нибудь ее возглавит. В плане бизнеса совершенно бестолков, но картины пишет прекрасные. Он уже в Англии выставляется, ты в курсе?

Я был не в курсе.

– А Рокотов?

– Олег? Ну, тот из другого теста. Не будь он так богат и хваток, я охарактеризовал бы его любимой фразой моей супруги Изольды – сраная богема. Хотя дочку он обожал, да и жену тоже, что неудивительно, ведь свою старую баржу он спихнул еще лет пятнадцать назад.

– Лара не мать Ксении? – удивился я. Брох затрясся беззвучным смехом и замахал на меня руками.

– Лара, конечно, строит из себя девочку и вполне по возрасту могла бы Ксюшу родить, но, уверяю тебя, она не ее мать. Первой женой Рокотова была Светлана, генеральская дочь, и это она благодаря своим связям вывела Рокотова в люди. Олежа, хоть и строил из себя миллионщика, в молодые лета был еще тем альфонщиком. Девочка прельстилась на его представительные манеры, хотя за душой у него не было почти ни гроша. Хотя какая девочка? Света была его старше почти на десять лет, а Олег мог так хорошо ухаживать... Они прожили в любви и согласии лет восемь, а потом Светин папа помер, мир его праху, и Олег тут же бросил ее. Без отца она ему была не нужна. Хотя дочь не забывал, потом и к себе забрал.

– Почему Ксения не осталась с матерью? – спросил я. Брох развел руками.

– Неподходящая обстановка в доме. После развода Света стала пить, и пить крепко. По сути, я могу Олега понять. Она до замужества была женщиной в соку, а после изрядно перебродила. Какой мужчина захочет видеть в своей постели чудовище с отвислой грудью, когда рядом столько молоденьких и хорошеньких? Однажды он познакомился с Ларочкой, и та его запросто увела из семьи.

– У Лары и Ксении были нормальные отношения?

– Ну, дорогой мой, ты переоцениваешь мои возможности, – развел руками Брох. – Я в их дом не вхож, могу сказать только, что на людях они вели себя прилично. Лара падчерицу не шпыняла, не тыкала в бок иголками, а Ксюша не закатывала при виде мачехи глаза. Нет, ничего страшного в их отношениях я не видел.

– Ты что-нибудь знаешь о трениях между Макаровым и Рокотовым?

– По-моему, сферы их интересов не пересекаются, – ответил старый еврей. – Они вполне могли породниться и слить корпорации в одну, это никак бы им не помешало, даже наоборот. Рокотов, если верить слухам, некоторое время надеялся выдать дочь замуж за Егора Черского, сына Боталова, но Ксюша была слишком юна, а Черского быстро окольцевали. Так что Глеб Макаров был для нее отличной партией. Поверь мне, этот союз никому не мешал, а дети друга друга любили.

Я задумался, уставившись в пол. После посещения квартиры Ксении страх не оставлял меня, подталкивая к собственным демонам. Мне хотелось выпить. Не уверен, что отказался бы, если бы Брох предложил налить коньяку, но старый жмот редко угощал даже кофе.

– Макаровы прячут сына, – глухо произнес я. – А мне нужно с ним поговорить. Ты не знаешь, куда парень мог деваться?

Брох пожал плечами.

– Я ничего не буду обещать, Ваня, – ответил он. – Если у меня появится что-то интересное, я сообщу. И даже не буду просить тебя приехать лично. Эсэмэс пришлю. Я, знаешь ли, научился пользоваться смартфонами, это не сложнее, чем пульт от телевизора. Тебя интересует что-то еще?

– Я никак не могу понять, кто из твоих дочерей Сара, а кто – Роза, – сказал я. – Как ты их различаешь?

– Тебя провожала Сара, – неласково ответил Брох.

– Она ушла до того, как я открыл дверь.

– Ванечка, мой магазин оснащен видеокамерами, – снисходительно пояснил Семен Натанович. – То, что я выключил телевизор перед твоим приходом, не говорит о том, что я не видел, как ты поднимался вверх. И я надеюсь, что ты не имеешь блудливых мыслей в отношении моих девочек?

Я хотел было сказать, что блудливые мысли, скорее, имеют его девочки, но лишь помотал головой.

– Я очень тебя ценю, Ваня, – сказал Брох. – Особенно то, что ты для меня сделал. Я никогда этого не забуду. Но мне крайне неудобно постоянно чувствовать себя должником.

– Прости, Натаныч, – вздохнул я, – но, кроме тебя, с деликатными вопросами мне некуда идти. Боюсь, что этот крест тебе придется нести до конца своих дней.

– Нашему народу не привыкать, – горестно возвел глаза горе Брех, но чуточку улыбнулся и, прощаясь, протянул мне свою изуродованную руку.

Добраться до отца Глеба с первой попытки у меня не вышло. Не получилось и со второй, и даже с третьей. Сергей Павлович Макаров посторонних не принимал. Я попытался прийти к нему на работу, решив, что беспокоить его дома, по крайней мере до того, как получу отказ, не слишком прилично. Но мой крестовый поход завяз в приемной, где я бессмысленно проторчал почти два часа. Спокойствие босса охраняла не только вышколенная секретарша, белозубая, беловолосая, совершенно стерильная, с пронзительными голубыми глазами и ледяным голосом, но и пара мордovorотов ростом с хороший шкаф. Мои невинные попытки взять журнал или вынуть телефон сопровождались свирепыми взглядами. Когда Макаров наконец-то вышел из кабинета, меня тут же оттеснили, не дав сказать ни слова. Макаров же не удостоил меня взглядом.

На следующий день я подкараулил его у офиса и почти успел перехватить у лифта. Меня вновь оттеснили, но я смог бросить фразу, которая должна была заставить Макарова пообщаться со мной.

– Сергей Павлович, я – адвокат Стахов, и у меня есть к вам разговор по поводу вашего сына.

Макаров ответил мне равнодушным взглядом. Под его набрякшими веками не шевельнулась даже толика интереса. Он вошел в лифт, а затем двери закрылись. Охранник, сдерживавший меня, сурово пообещал, что в следующий раз свернет мне шею. Глядя на его руки, я охотно поверил. Что, впрочем, не остановило меня от третьей попытки, когда я явился в их дом и не прошел дальше ворот. Лезть через забор я не рискнул. Во дворе бегали два ротвейлера. Я оставил попытки пообщаться с Макаровым и перевел внимание на его жену.

В отличие от мужа, Наталью Макарову охраняли слабо. Ее распорядок был излишне простым. Большую часть времени она проводила дома, изредка отправляясь в салон красоты и торговый центр, где шаталась по бутикам. Охранник, забирая покупки, сразу уходил в машину, оставляя хозяйку в компании продавцов-консультантов. Наблюдая за этой женщиной, еще сохранившей остатки красоты, я подумал, что она ходит по магазинам не из-за желания что-то купить и даже не от безделья. Наталья словно отбывала тяжкую повинность.

Мне повезло, когда она неожиданно свернула к кинотеатру, купила билет и прошла в зал. Я посмотрел на расписание: Макарова выбрала детский сеанс с диснеевским мультфильмом. Я подумал, что полутемный зал кинотеатра – отличное место для тайной встречи или передачи посылки. Купив билет, я последовал за ней и уселся двумя рядами дальше.

К моему удивлению и разочарованию, к Наталье никто не подошел, она не попыталась оставить конверт с деньгами или что-то в этом духе. В полупустом зале никто не вступил с женщиной в контакт. Предположение, что Наталья назначила здесь встречу с Глебом, потерпело фиаско. Я озирался по сторонам весь сеанс, но не заметил ничего подозрительного. Когда в зале вспыхнул свет, Наталья поднялась и пошла к выходу, бросив в мусорную корзинку ведро из-под попкорна.

Я дождался, когда она выйдет из дамской комнаты и перегородил ей дорогу. Наталья, не глядя, сделала попытку меня обойти, и только поняв, что я стою тут не просто так, подняла глаза. Страх я не заметил, только надменность и чуть заметная злость, что заставила Макарову плотно сжать подкрашенные в темно-красный губы.

– Что вам надо? – резко спросила она.

– Я – адвокат Стахов. И мне нужно поговорить с вами.

В ее глазах мелькнула настороженность, но она не сменила тон, спросила, вызываясь подняв подбородок:

– О чем?

– О вашем сыне Глебе. И обстоятельствах смерти Ксении Рокотовой.

– Мой сын ничего не знает об обстоятельствах смерти Ксении, – выплюнула Наталья и вновь сделала попытку обойти меня. – Пропустите, иначе я закричу.

– Наталья Александровна, я ведь адвокат, а не прокурор, и не собираюсь тащить Глеба Сергеевича в каталажку. Мой клиент просто хочет прояснить некоторые детали. Если вы опасаетесь, что я могу как-то повредить ему, то, уверяю...

– Глеб не будет с вами разговаривать, – холодно сказала Наталья. – Ему нечего сказать.

– Вы так уверены в этом?

– Абсолютно. А теперь оставьте меня в покое и потрудитесь больше не приближаться к членам нашей семьи. Привет Рокотову.

Она обогнула меня и торопливо бросилась прочь, словно за ней гнались черти.

– Вам не жаль девушку? – крикнул я вслед. Наталья словно споткнулась и бросила на меня взгляд через плечо, в котором пробудилась и подняла голову опасная гадюка, щелкнувшая ядовитыми зубами.

– Вы, наверное, удивитесь, господин адвокат, – прошипела Макарова, – но, нет. Мне ее нисколько не жаль. Ни капли. Каждому по заслугам.

– Чем же она вас обидела? – спросил я. Наталья открыла рот, но в последний момент сдержалась и почти побежала по коридору, подальше от меня.

Мой недавний шеф, Анатолий Базаров, жил в ведомственном доме, неподалеку от моего бывшего обиталища. После смерти жены и сына мне было невыносимо находиться там, и я съехал, наивно полагая, что на новом месте полегчает.

Шефу дали квартиру одному из первых. Кубик, построенный в новом микрорайоне, быстро заселили бюджетники, особо предприимчивые продали свои квартиры и переехали ближе к центру, но шефу тут нравилось. Его угловая квартира выходила окнами на юго-запад. Супруга полковника – Ада, статная дама с окрашенными в нежный фиолет волосами – облюбовала балкон и посадила его цветами. Яркое пятно на высоте девятого этажа выглядело странновато, но, кажется, никто не возражал, что плети выюнов спускаются на пару этажей вниз. На балконе мы с Базаровым обычно пили кофе или пиво, здесь же я спал пару ночей после трагедии.

К экс-шефу я прибыл в половине восьмого, благополучно объехав длинную, как кишка, пробку. Ада без лишних разговоров проводила меня на балкон, подставив щеку для сухого поцелуя. На кухне что-то скворчало и подпрыгивало на сковороде, источая умопомрачительный мясной дух. Я почувствовал, как у меня заурчало в животе, и понадеялся, что Ада это не услышала, но, по-моему, жены полковников обладают какими-то шестыми чувствами.

– Ужин через полчаса, – негромко объявила она, обращаясь то ли ко мне, то ли к сковородке. – Рада тебя видеть. Давно не заходил.

Я козырнул ей в спину.

– К пустой башке руку не прикладывают, – так же негромко сказала Ада, не поворачиваясь. Я хмыкнул, увидев перед ней никелированную кастрюлю, в которой кривлялось мое исковерканное отражение.

Базаров нашелся на балконе, он восседал на складном икеевском стуле, облаченный в трико с вытянутыми коленками и камуфляжную майку. Я коротко пожал ему руку и уселся

напротив. Базаров молчал и с видимым наслаждением шевелил пальцами ног, видимо, недавно разулся. На столе той же шведской марки помещались початая бутылка водки, рюмка и блюдце с криво нарубленной колбасой. Я покосился на водку и сглотнул: так мне хотелось выпить.

– Как там служба? – без особого интереса спросил я. – Все так же опасна и трудна?

– Зубоскал, – лениво отбил мою подачу Базаров. – Сам знаешь, ничего у нас не меняется, не то что у вас, бесовского адвокатского племени. Мы вот сажаем шваль всякую, а вы потом выпускаете.

– Мы-то причем? – удивился я. – Суд выпускает.

– Суд, – проворчал Базаров. – А в суде кто соловьями поет? Вы. Я бы прочитал тебе лекцию про перевертышей, что погоны сняли да на другую сторону баррикады переметнулись, но ты же сам все знаешь, верно?

– Еще бы, – поддакнул я. – Ты мне ее столько раз читал, а уж сколько раз носом тыкал в мое предательство, даже не вспомню.

– Шутник, – скривился Базаров. – «Кривое зеркало» по тебе плачет, у них там как раз с комиками недобор, шуточки все казарменные, как на плацу у престарелых прапоров. Если что, могу попробовать составить тебе протекцию, станешь там гвоздем программы.

– Что-то ты не в духе сегодня, – заметил я. Базаров махнул рукой и мотнул подбородком на бутылку. Я покачал головой.

– Будешь тут в духе, – вздохнул он. – Начальство имеет во все дыры, показатели падают, а с кем мне работать, Ваня? С операми сопливыми, которые на трупе в обморок падают? Или со старой гвардией, которая, как ты вот, или разбегается во все стороны, или горькую пьют? Милованов вон по синьке чуть не застрелился, чертей гонял. Я пока это скрываю, но не могу я его запой вечно прикрывать. Мне до пенсии четыре месяца.

– Уйдешь?

– Уйду. Буду помидорки на балконе выращивать. Огурчики. На дачу буду ездить как белый человек, когда захочу. Натолкаю в машину ящиков с рассадой, включу Круга, и – вперед и с песней.

– Ты не сможешь, старый волчара, – покачал я головой.

Базаров прищурился и криво усмехнулся:

– Чегой-то? Ты же смог? А ведь того же рода-племени.

Я пожал плечами, чувствуя, как холодная капля стекла по спине между лопатками. Базаров долго смотрел мне в лицо, а затем нехотя спросил:

– Зачем пожаловал-то, Вань? Помощь нужна?

– Нужна, – ответил я и сунул полковнику листок бумаги. – Вот эти телефончики надо пробить, но исключительно неофициально. Особенно меня интересуют последние три.

Я обвел пальцем три номера, принадлежащие семье Макаровых. Базаров хмуро смотрел на меня, не делая попыток взять листок с записями.

– Чем ты сейчас таким занят, что тебе я понадобился, а не девочки из отдела? – спросил он с неудовольствием. – Они бы тебе за свидание или шоколадку то же самое сделали. Работы нам хочешь прибавить?

– Скорее наоборот, – пояснил я и снова ткнул пальцем в номера. – Вот это – телефоны Глеба Макарова и его родителей. А вот этот – номер его бывшей девушки Ксении Рокотовой. По Рокотовой мне нужны все ее звонки и сообщения. А по Макаровым еще и локации. Допускаю, что парень телефон выкинул, а его родители звонят с левых симок, но попытка не пытка.

– Помню я Рокотову, – сжал губы Базаров. – Молоденькая девчонка, красивенькая. Папенька ейный сильно сокрушался и нам потом мозги выел. Но там же стопроцентное самоубийство, или нет?

На кухне забрякала посуда. Ада уже накрывала на стол. Я почувствовал, как от голода сводит кишки. Базаров глядел на меня пронизывающим взглядом, и я решил не юлить. В конце концов, я пришел в его дом за помощью.

– Родители так не считают, – ответил я. – И, кажется, уже нашли козла отпущения. Я в этом не особенно уверен, и потому хочу найти парня первым.

– Почему?

– Потому что, если не разберусь, Рокотов парня убьет. А вы получите междоусобицу двух богатеев. Оно тебе надо, когда до пенсии четыре месяца?

– Да тьфу на тебя! – рассердился Базаров. – Пошли ужинать, а потом ты мне все расскажешь.

Ужин затянулся. Когда я вышел из дома Базарова, на город уже опустились сумерки. Я оглянулся на светящиеся окна чужих квартир и нехотя потянулся к двери автомобиля, думая о людях, что сидят сейчас на своих кухнях, в гостиных перед телевизорами, обнимая супругов, ругаясь, целуясь или выясняя отношения. Меня никто не ждал и никто не хотел видеть, кроме, разве что одного человека. Усевшись за руль, я вынул телефон и, повозюкав пальцем по сенсорному экрану, нашел нужный номер.

– Привет, – тихо произнес я, когда низкий женский голос выдохнул мне грустное «алло?». – Не помешал?

– Ты же знаешь, я поздно ложусь, – ответила Таня.

– Я приеду?

– Приезжай, – согласилась она. – Только учти, что кормить тебя нечем. Я весь день в работе, так что максимум моего гостеприимства – чай. И то, если купишь заварку, у меня, кажется, последний пакетик. И сигарет мне купи.

– Я поел.

– Ничего, пока доедешь, проголодаешься.

Таня Алдонова была той самой женщиной, что сумела выжить, попав в лапы к Чигину. Израненная, с изуродованным лицом, вытекшим глазом, она выступила на суде, гордо подняв разрезанный пополам подбородок. После заседания у меня хватило смелости подойти и выразить свои соболезнования. После нападения ее жизнь изменилась в корне. С работы ее выжили, долго приседая в реверансах и униженно объясняя, что негоже такому страшилищу оставаться редактором небольшого издательства. Гордая и непреклонная Таня ушла, занялась фрилансом, а из дома выходила преимущественно по вечерам, чтобы не шокировать людей своим внешним видом. Заработанные деньги Таня откладывала на пластическую операцию, надеясь, что в будущем ее изуродованное лицо приведут хотя бы в относительную норму.

Из пары десятков людей, окружавших меня в прошлой жизни, она осталась почти единственным, кто был мне по-настоящему близок. В те черные дни после нападения на Таню и смерти моей семьи мы поддерживали друг друга как могли. Муж бросил ее почти сразу, не в силах выносить ежедневный кошмар рядом. Таня его не удерживала, не помню, чтобы она хоть раз пожаловалась на него, скупко отвечая, что все понимает.

Я помню ее на похоронах жены и сына, укутанную в дешевый черный плащ, с лицом, скрытым шарфом и темными совиными очками, по которым стекали капли ливня, скрывая слезы. Не счесть ночей, которые я провел в ее квартире со снятыми зеркалами, пьяный, мятый, засыпая на ковре посреди комнаты, с подушкой под щекой, и просыпаясь от прикосновения ее прохладных пальцев.

Ввалившись в ее квартиру, я не глядя сунул Тане пакет с продуктами, разулся и направился в ванную, где висел старый мужской халат, оставшийся от благоверного. После целого

дня в туфлях ноги ныли, а носки провоняли, словно провалявшийся на солнцепеке труп. Таня брякала посудой, а я с наслаждением встал под прохладный душ, смывая тяжелый запах пота.

– Ты останешься? – крикнула Таня с кухни.

– Не могу! – гаркнул я в ответ. – Много дел. Завтра с утра пара важных встреч.

Она показалась в дверях ванной, а я поспешно загордился шторкой.

– Какая стыдливость, Стахов, – усмехнулась Таня. – Я видела тебя во всех видах, даже самых неприглядных. Брось вещи в машинку, я постираю.

– Обратно не в чем ехать, – вздохнул я. – Но спасибо.

– Не за что. Ужин на столе. Домывайся, расскажешь, как провел день, а я расскажу про свой.

Я вымылся, торопливо вытерся старым полотенцем и, с сомнением поглядев на вонючие комки, в которые превратились носки, старательно прополоскал их под краном, насыпав в каждый стиральный порошок. Повесив носки на полотенцесушитель, я вышел в кухню, где на столе уже шипела и плевалась гигантская глазунья в тяжелой чугунной сковороде. Таня стояла у окна и курила, жадно затягиваясь.

– Мне предложили работу, – оживленно сказала Таня. – Представляешь? Правда, внештатно, но за неплохие деньги.

– Здорово! – обрадовался я и подвинул к себе сковороду. – А куда?

– На новостной портал. Буду заниматься копирайтом. Совершенно непыльная работенка. Главное условие – грамотность, а этого у меня, как ты понимаешь, хоть отбавляй... Ешь, Вань, не смотри на меня, я сыта.

– Ну здорово, – невнятно произнес я, торопливо дыша. Она, как всегда, оказалась права. После ужина у бывшего шефа я вновь захотел есть. Огненная яичница обожгла небо и язык. – Контора серьезная?

– Более чем, – кивнула Таня. – Отзывы положительные. Работы, правда, много, но что мне еще делать? По светским мероприятиям я не ходок теперь.

В ее голосе прозвучала едкая горечь. Я смутился, откусил от жирной сардельки и зажмурился от удовольствия: так мне было вкусно.

– Ты бы прожевывал хоть, – усмехнулась Таня. – Такое впечатление, что весь день не ел.

– Недавно ел, но чего-то пробило опять на хавчик, – согласился я. Таня молчала, а я принялся рассказывать о порученном деле. Болтать не в моих правилах, но ей я доверял. К тому же вряд ли Таня могла с кем-то поделиться услышанным. Впрочем, дело было больше в том, чтобы не дать ей заскучать, позволить вновь почувствовать себя живой. Так и происходило. С каждым моим словом Таня оживлялась, а под конец истории уселась напротив, позабыв о привычке прятать лицо даже от меня.

– У тебя уже есть версии? – спросила Таня.

– Все как-то слишком гладко, – поморщился я. – Родители правы. Версия о несчастном случае кажется мне притянутой за уши. Если Ксения и вывалилась из окна, то явно не потому, что решила перевесить шторы. Девочка совершенно себя не утруждала. А учитывая, что ее не смущало позировать обнаженной, вряд ли она беспокоилась о том, что кто-то увидит ее из окон напротив, тем более что ее квартира выходит на сосновый бор, да и расположена на верхнем этаже. Пропавший парень меня тоже тревожит. Он вполне может оказаться убийцей.

– Или свидетелем, – озвучила Таня мои мысли.

– Или свидетелем, – кивнул я. – И тогда возникает вопрос: от кого же решил спрятаться парень из очень богатой семьи, да так, чтобы никто не мог его найти?

Таня помолчала, а затем неуверенно добавила.

– Знаешь, я могу ошибаться, но бегство этого Глеба говорит скорее о вине, нежели о страхе. Я бы предположила, что произошла ссора, и он случайно вытолкнул девушку из окна. Толкнул, например, а она упала.

– Сомнительно, Тань, – возразил я. – Там очень широкий каменный подоконник, за окном декоративная решетка с цветочками. Как надо было ее толкнуть, чтобы она вылетела в окно, не попытавшись зацепиться ни за подоконник, ни за ажурный балкончик, не сбив ни одного цветка?

– Самоубийство? – предположила Таня и сама себе ответила: – Записки, конечно, нет.

– Записки нет, есть сломанный стул и сорванная штора.

Поглядев на опустевшую тарелку, Таня поднялась и подошла к плите сварить кофе. Помолчав несколько минут, она дождалась, пока над туркой поднимется черная ароматная пена, налила кофе в две микроскопические чашки, щедро разбавила молоком и сказала:

– Чем дольше я думаю, тем больше мне кажется, что это – постановка. Я абсолютно верю твоим описаниям. Знаешь, у меня в голове прямо картинка нарисовалась.

– Для ссоры там было слишком чисто, – согласился я. – В мусорном ведре – упаковки от презервативов и остатки романтического ужина: шкурки от фруктов, шоколад, на балконе – пустые бокалы от вина. Если они поругались, то уже потом.

Помолчав, я неохотно добавил.

– Есть кое-что еще.

Таня не пошевелилась, но ее плечи напряглись, словно она догадалась, о чем я хочу сказать. Я залпом допил кофе, проглотил немного гущи и закашлялся, отфыркиваясь. Таня терпеливо ждала, и только ее тонкие пальцы нервно подергивались от напряжения.

– У меня... Понимаешь, у меня опять это было, – неохотно выдохнул я. – Это ощущение. Холод. Прикосновения. Дыхание. Особенно после того, как я увидел бабочек. Словно привет с того света.

– Тебе не могло показаться? – участливо спросила Таня. Я криво усмехнулся и пожал плечами.

– Все может быть. Я не ожидал увидеть на картинах мнемозину, потому что... Черт, ты сама все понимаешь.

Таня отодвинула нетронутую чашку в сторону и выдернула сигарету из пачки. Закурив, она нервно помахала перед лицом рукой, разгоняя дым, а затем спросила:

– Это... ощущение... Не могло оно появиться потому, что ты был в доме Ксении?

Я отрицательно покачал головой.

– Я часто бываю в разных домах. В том числе и тех, где недавно умерли люди. Но еще ни разу мертвецы не касались меня, если умерли своей смертью или в результате несчастного случая.

– Из этого ты сделал вывод, что Ксению убили? – без всякой иронии спросила Таня. – Или ты сделал такой вывод, осмотрев ее квартиру?

– Я подумал о том, что ее убили, до того как попал в ее квартиру, – возразил я. – Или же она покончила с собой. И тогда возникает вопрос: почему она на это решилась?

Таня вздохнула и отвернулась к окну. Ее худые плечи тряслись.

– Ты хочешь узнать, что случилось с Ксенией? – спросила она тусклым, неживым голосом. – Или взялся за это дело, потому что Рокотов пообещал тебе помочь свести счеты с Чигиным?

– Не знаю, – честно ответил я.

Таня уговаривала остаться, но я не поддался, скомкано попрощался в дверях и выскочил в душный летний вечер, когда за окном уже совсем стемнело. Мошара моментально атаковала мое пропотевшее лицо. Отмахиваясь, я торопливо уселся за руль, закурил, завел мотор и бездумно уставился перед собой. Просидев в машине пару минут, я тронулся с места.

Домой я не поехал. У меня уже пару часов зудело под ложечкой – неприятное, хорошо знакомое тягучее ощущение. В этот вечер меня ждали на другом конце города, а я не собирался противиться. Притормозив на светофоре, я пропустил запоздалую парочку влюбленных, которые висли друг на друге и глупо хохотали, и с неожиданной завистью подумал: вот, мне уже не придется так делать.

Через час я выехал из придушенного жарой города в частный сектор. Машина запрыгала по колдобинам, и мне пришлось сбавить скорость.

До этого по доброй воле я приезжал сюда дважды, а в своей полицейской жизни не совался в этот район никогда – не мой участок – и смутно представлял, как живут тут простые смертные. Район был нехорошим. Горожане называли его «цыганским краем», хотя цыгане тут давно вывелись. Лет тридцать назад, еще в советские времена, цыганские семьи и впрямь жили тут через дом друг от друга. Многие торговали наркотой – дешевым маковым сырцом, самопальной водкой, крадеными магнитолами. Цыганские детишки бегали по улицам, оглашая дворы гортанными резкими криками или сопровождали своих родителей, которые на телегах мотались по округе, скупая пустую тару по дешевке. Но постепенно цыгане, самая ядреная и наглая нация, оказались вытеснены алкашами, что было просто равносильно чуду. Район хирел, городские власти старательно делали вид, что цыганского края не существует. Теперь здесь жило всякое отребье. За небольшие деньги здесь можно спрятать труп, купить дешевый наркотик, сваренный из моющих средств, а порой в сводках я читал, что на очередной свалке кто-то случайно находил изуродованные тела, брошенные разлагаться в куче мусора.

Это случилось после смерти моей семьи. Я пил, ходил на работу в полумертвом состоянии и, кажется, пытался работать. Начальство меня не трогало, поручая какую-то ерунду, и не особенно устраивало выволочки за незавершенные к сроку дела, а когда Базаров вызывал меня на ковер, я тупо глядел перед собой, не пытаясь вслушиваться. Мне было все равно.

Женщина остановила меня на улице: обычная городская сумасшедшая лет пятидесяти, в ярком тряпье немыслимых расцветок, с пудовыми бусами, разноцветными перьями во всклокоченных волосах и диким вульгарным макияжем портовой шлюхи. Не знаю, почему я не выдернул руку, когда она схватила меня за локоть и развернула к себе. Усталые глаза старой сенбернарши глядели на меня с сочувствием из-под густо покрашенных фиолетовыми тенями век.

– Бедный мальчик, – сказала она бархатным голосом. – Сколько же в тебе боли.

Я стоял и молчал, чувствуя, как ее ладонь обжигает мою холодную кожу, и не двигался с места, а она гладила меня по руке и заглядывала в глаза, как когда-то мама, а затем потянула меня куда-то прочь от оживленной улицы, а я поддался. Меня прорвало, и я разрыдался, а затем наступила темнота. Спустя час я очнулся в кафе и обнаружил, что впервые за много лет с аппетитом ем и взахлеб рассказываю незнакомке, что работаю опером. Я болтал, как возбужденный первоклассник, впервые оставшийся рядом со стриптизершей. В ответ женщина рассказала, что ее зовут Вера Афанасьева и она – городская шаманка.

Это меня ненадолго отрезвило. Я рассмеялся ей в лицо и даже переспросил: шаманка? Но она не обиделась, даже когда я рассмеялся во второй раз и грубо сказал, что почему-то так и подумал, глядя на ее наряд. Мне захотелось ударить ее побольнее, и я это с наслаждением сделал, подумав, что на самом деле веду себя как подонок.

– Запиши мой номер, Ванечка, – сказала она.

– Зачем? – усмехнулся я. – Я не нуждаюсь в танцах с бубном.

Я поманил официантку и заказал водки. Шаманка наблюдала за мной с плохо скрываемым сочувствием. Я ответил ей вызывающим взглядом, но пить почему-то постеснялся.

– Запиши, – настойчиво попросила Вера. – Даже если сейчас не нужно, потом, когда они придут, тебе неоткуда будет ждать помощи. Они ведь давно в твои двери стучали, только ты раньше не слышал. Ну ничего, теперь будешь, хочешь ты этого или нет.

Предсказание показалось мне смешным, и, чтобы отвязаться, я вынул сотовый и вбил в него номер, подписав так, как она попросила: Вера, городская шаманка. Она простилась и ушла, оставив меня в легком недоумении, но у меня тут же из головы вылетел не заданный вопрос: кто ко мне должен был прийти? Отупев от съеденного, я еще пару минут просидел за столиком, затем выпил рюмку водки, и тут же, зажав рот, побежал в туалет, где выблевал весь обед. Уткнувшись лицом в унитаз, я устало отрыгивал и с вялым удивлением понял, что шаманка, видимо, смогла что-то со мной сделать, поскольку желание напиться пропало и так и не вернулось вечером, когда я обычно накидывался в хлам перед сном.

Наутро я пробил шаманку по номеру телефона, и когда до Базарова дошли слухи о моих запросах, он явился ко мне в кабинет, уселся на подоконник и спросил, чем я занимаюсь.

– Да вот, наткнулся на один интересный экземпляр человеческой природы, – рассмеялся я. – Подцепила меня какая-то шарлатанка, очнулся в сортире, мордой в толчке, и с тех пор не могу бухать. Не иначе как она меня тайно закодировала.

– Афанасьева – не шарлатанка, – мягко возразил Базаров. – У нее и правда редкий дар, в том числе и поисковика. Мы ее даже привлекали пару раз к расследованиям. Оформляли как консультанта. Помнишь прошлогоднее убийство двух семей в районе? У Новотроицкого, где бабы своим мужикам могилы рыли, а потом их рядышком же и положили? Мы тогда долго упырей этих искали, ведь никаких следов не осталось. А Афанасьева могилы нашла и на убийц указала. Так что я бы на твоём месте к ней отнесся посерьезнее. Вера... как бы тебе помягче сказать... Очень много чего видит...

– Не заметно что-то, – фыркнул я. – Иначе бы в зеркало чаще гляделась.

Базаров молчал и без интереса разглядывал портрет президента, который так давно висел на стене, что выцвел и стал походить на копию самого себя. Я ждал, пока полковник нехотя не пояснит:

– Да, она немного не от мира сего и одевается, как Леди Гага, но ей, видите ли, так положено. И потом, какая разница, как одет человек, если он делает свое дело хорошо?

Для здравомыслящего Базарова это была странная философия. Я не замечал у него прежде тяги к сверхъестественному, и потому просто не верил своим ушам.

– Толь, ты вроде взрослый мужик, – скривился я. – Неужели ты на это ведешься? Какая она шаманка? По ней дурка вон плачет. Ей бы в санаторий на воды в Форж, как Атосу, нервишки подлечить.

– Не веришь? – усмехнулся Базаров.

– Не верю.

– Но бухать-то тебе больше не хочется?

Я промолчал. Сама мысль об алкоголе и правда была противна. И в этом заключалась беда, поскольку на трезвую голову особенно четко представлялся табельный «ПМ», прижатый к виску. Но мысли о самоубийстве были не самыми страшными. Я вдруг припомнил: да, было такое, ходили в отделе слухи о тайном осведомителе Базарова, связанном с оккультизмом, но эти слухи почему-то не высмеивали, а после раскрытия убийства сразу двух семей все детали дела окутались мрачной тайной, которую работавшие над делом следователи и опера не спешили открывать.

После разговора с Базаровым я впервые поехал к Вере. Она жила в цыганском краю, далеко за МКАДом, в маленьком покосившемся домике, врастающем в землю, как боровик. На заросшем травой огороде не было ни одной грядки, только в разваливающейся теплице умирало несколько кустиков чахлах помидор. Видимо, Вера не была огородницей. Меня она встретила без всякого удивления, а я, признаться, даже не нашел в себе сил поздороваться.

– Что-то не растет у тебя ничего, хозяйка, – холодно сказал я, махнув рукой на заросший огород. – Неурожайный год что ли?

– Так здесь и не будет ничего расти, – спокойно ответила она. – Мне люди фрукты-овощи носят, так что нет смысла спину гнуть. Рядом со мной никогда ничего не растет, кроме сора. А кабы и росло, есть это нельзя. Потому и не сажаю ничего.

– Я тоже так и подумал, на тебя глядя, – грубо сказал я. – С тобой любой себя некрофилом почувствует, потому что рядом все живое умирает.

Вера помолчала, а затем без особых эмоций поинтересовалась:

– Ты меня обидеть приехал?

– Я пить больше не могу, – резко сказал я. – Твоя работа?

– Так тебе столько и не надо, Ванечка, – ответила она хриплым прокуренным голосом и закашлялась. – Организм чистить пора, иначе загниешь через год. Вот я тебе немного и помогла.

– Я тебя не просил помогать, – зло ответил я. – Может, я бухаю, чтобы забыть, что жену с сыном под землей черви едят, а этот урод по земле ногами ходит? Может, я загнуться и хочу? Может, я сдох тогда, вместе с ними?

Я сунул сигарету в рот, нервно поднес к ней зажигалку, но от раздражения не смог высечь пламя, и потому злобно сломал сигарету и бросил на землю, раздавив каблуком. Вера грустно улыбнулась.

– Ты не потому пьешь, Ваня, – покачала головой Афанасьева. – Ты бухаешь, как не в себя, потому что тебе страшно, так ведь? Потому как по трезвяни ты их слышишь или видишь даже.

Я застыл, а затем с вызовом спросил:

– Кого я слышу?

Вера повела плечами и уставилась куда-то мне за плечо пустым, невидящим взглядом, от которого у меня мороз по коже пошел.

– Покойников, Ваня. Ты их всегда чувствовал. Наверное, у тебя на работе показатели по раскрываемости высокие. Ты ведь всегда знаешь, куда идти, что искать, кого хватать. Раньше ты на интуицию все списывал, а сейчас стало хуже, потому что стал понимать и думаешь, что сходишь с ума. Поэтому ты пьешь. Иначе ни есть, ни спать не можешь. Входи в дом, Ваня. Там мы можем спокойно поговорить, без твоих провожатых.

Ее последние слова прозвучали странным высоким голосом, сложенным из криков и шепотов моей мертвой жены и сына, десятков незнакомых мертвецов, на чьи трупы я выезжал ежедневно. Я почувствовал, как ледяные пальцы скользят по моей шее, и вне себя от ужаса переступил порог дома шаманки, успев краешком сознания зацепиться за мысль, что вот в такой омут прыгают жертвы вампиров, неспособные устоять перед его зовом. Но, сделав шаг, я осознал, что Афанасьева права. Я ведь действительно их слышал.

Когда я добрался до пригорода, уже почти совсем стемнело. Лишь на западе небо еще сохраняло багровые оттенки заката. Хлопнув дверью машины, я торопливо закурил и пошел к дому, отмахиваясь от назойливых комаров, атаковавших меня, словно вражеские самолеты.

Вера, освещенная тусклым фонарем, нашла в том жалком подобии огорода, которое могла себе позволить. Все, что ей удалось вырастить – редис и хрен, на которые почему-то не действовали древние заклятия, чем бы они ни были. Развалившись в старом, прорванном сбоку шезлонге, она разглядывала покосившийся забор и черную собаку, пристально следившую за хозяйкой антрацитовыми глазами-бусинками. Дворняга приподнялась, настороженно глядя на меня, но затем равнодушно бухнулась обратно на землю, пару раз шевельнув хвостом для приличия. Рядом с Верой стояло пластиковое ведро со вздувшимся от ожога боком, наполненное малиной. Вера лениво опускала в ведро руку, набирала пригоршню ягод и медленно ела. Ее тонкие губы были красными от сока. Наверняка это было подношение от очередного

клиента, пожелавшего узнать свою судьбу. Деньги Вера брала менее охотно, уверяя, что ей в этой жизни хватает на все, потому с ней в основном рассчитываются натурпродуктом.

– Привет, Ваня, – негромко произнесла она. – Ягодку хочешь?

– Не хочу, – ответил я. Вера иронично покосилась на меня из-под узких очков, и я нехотя взял несколько крупных, лопающихся от спелости ягод.

– Сладкие, правда? – без всякого выражения спросила Вера, но ее пустой взгляд уже шарил где-то у меня за плечом. Причина была мне хорошо известна.

– Я опять кого-то притащил? – осторожно поинтересовался я. Вера медленно кивнула и завертела головой, как антенной, пытаясь увидеть призрака. Ее лоб сморщился от напряжения, а острый подбородок взлетел вверх. Ноздри раздувались, как у дворняги, валяющейся под забором.

– Девушка, – неуверенно сказала Вера. – Совсем юная, прозрачная. Какая-то быстрая недавняя смерть. Будто бы полет, а потом треск.

– Она из окна выпала, – сказал я. – И родные уверены, что не сама. Мне нужно с этим разобраться, Вера, потому что я тоже думаю, что это не самоубийство.

– Они все цепляются за тебя, Ванечка, – стылым, как осенний дождь голосом, произнесла Вера, а ее рука, шаря в ведре, давила мягкие ягоды. Сквозь пальцы текла красная жижа, но Афанасьева этого не замечала. – Все они летят к тебе, как мотыльки к свечке. Ты слышишь ее?

– Я ее чувствую, – тихо ответил я. – Это еще хуже. Когда вхожу в ее дом, то по коже словно лед стекает. И шепот, почти неразличимый, я ни слова не понимаю, да и никогда не понимал.

Вера стряхнула с себя оцепенение и неловко поднялась, цепляясь за мою руку. Ладонь тут же стала липкой от малинового сока, но вытереть ее было нечем.

– Пойдем, выпьем кофе, – скомандовала Вера. – А она пусть тут остается, если захочет. Попробую разобраться, что к чему.

Я нерешительно обернулся, зная, что все равно ничего не увижу, и последовал за Верой. Призраки войти в ее дом не могли, во всяком случае, так утверждала хозяйка, и я принимал ее слова как должное, хотя бы потому, что мне и самому было бы неуютно думать, что покойники таскаются за мной, как привязанные веревочкой.

В кухне, такой же неопрятной, как и хозяйка, с натканными повсюду пучками сухих трав, повязанных по углам цветных веревочек и бусин разных размеров и цветов, пахло кофе и сеном. Вера быстро вымыла руки, вытерла их о грязную тряпку, которая заменяла посудное полотенце, приткнула меня в угол и бросилась варить кофе. Помешивая воду в турке, она то и дело бросала быстрые взгляды в окно.

– Стоит, – усмехнулась она. – Ждет. Кажется, так просто она не отвяжется. Я ее потом провожу, а то негоже это, когда неупокоенная душа мается. Еще сорока дней не прошло. Ей совсем худо, она даже некрещеная.

– Почему худо? – спросил я. Вера ловко подняла турку, не позволив вскипевшему кофе перелиться через край, и вздохнула.

– Ее как самоубийцу должны были хоронить, за оградой кладбища. Но она не сама, уж поверь мне. Хотя попы службу заупокойную по девочке служить не стали.

Она протянула мне чашку, слегка ущербную из-за своего отбитого края, налила кофе во вторую и беспокойно выглянула в окно.

– Ты можешь мне что-нибудь сказать? – спросил я. Вера стиснула зубы так, что мне показалось, они вот-вот хрустнут, как фарфоровые, и разлетятся вдребезги. В кухне стало тихо и как будто повеяло морозом.

– Я вижу дом, – тихо сказала Вера странным, замогильным голосом. Зрачки под ее закрытыми веками беспокойно бегали туда-сюда. – Большой, богатый. Вижу молодого парня, тонень-

кого, как эльф из сказки про Дюймовочку. У него длинные пальцы... Я вижу, как он хватается за горло, а еще я слышу крик...

Вера захлебнулась и запрокинула голову назад, словно потеряв сознание, но я, видевший эти приступы не впервые, не двинулся с места, ожидая, когда она еще что-то скажет. И спустя мгновение Вера произнесла чужим, до странности раздваивающимся голосом, в котором была лишь часть тембра умудренной опытом женщины:

– Мнемозина...

Мнемозина... Это слово значило для меня гораздо больше, чем для других.

В юности Лена очень увлекалась чешуекрылыми, взалхлеб читала специальную литературу. Я, тогда еще студент юрфака, утащил из библиотеки отца книжку Аракчеева «В поисках Аполлона», которую в детстве пролистывал ради красивых натуралистичных фото природы. Бабочки на страницах книги покорили сердце моей будущей жены. Мне нравилось думать, что этот потрепанный том, подаренный мной на ее день рождения, выиграл у наборов косметики, шоколада и даже громадного, как лапоть, сотового телефона. Я почти не помнил тот вечер, напившись в хлам. Из памяти выскочило даже, как я, стоя на коленях, делал ей предложение, перемежая слова глупостями и матом. Этот позор снимали на видеокамеру, и потом я даже пару раз пробовал пересмотреть запись, но каждый раз чертыхался и выключал.

– Ты знаешь, есть такая бабочка, она очень редкая. Относится к семейству парнассиусов, – взалхлеб пересказывала она. – Ну помнишь, в той книге она тоже есть, как раз аполлоны к этому же виду принадлежат.

– Парнассиусы? – глупо переспрашивал я, занятый тем, чтобы подлезть горячечными пальцами за тонкую ткань ее трусиков. – Слово-то какое, на грех наводящее.

Мы уезжали на пикники за город, ставили палатку, удили рыбу, правда, поймать почти ничего не удавалось, поскольку я был никудышным рыбаком, а Лене не хотелось возиться ни с червями, ни с чешуей. Спали мы в одном спальном мешке, где я без особых церемоний начинал шарить руками, стараясь подмять тонкую фигурку будущей жены под себя, накрыв собой и поглотив без остатка. Лена хохотала, шлепала меня по руке, и все наши разговоры в итоге сводились к сексу, в котором было слишком много животного, первобытного, смешанного с дымом костра и искрами, которые однажды прожгли мои штаны, и мне пришлось возвращаться с дырой на заднице, но это было такой ерундой. А потом, когда лютый порочный голод был утолен, Лена, раскрасневшаяся, распутная, с мутноватым вином в бесстыжих глазах, начинала вещать о своих любимых бабочках, и я засыпал под звуки медового голоса, ни разу не дослушав ее истории.

– ...Стахов, не спи! Так вот: мнемозина названа так в честь греческой богини. Ты знаешь, что Зевс восходил к ней на ложе целых девять ночей? Хочешь, я почитаю тебе о ней? Или лучше о бабочке... Стахов, ты в курсе, что мнемозина занесена в Красную книгу и даже просто увидеть ее – большая удача? Может, это свинство... Даже скорее всего это свинство и преступление, но мне бы хотелось ее поймать, как птицу счастья. Или хотя бы раз увидеть... Стахов, ты спишь?

А я спал и не спал. После одной такой горячечной ночи и появился на свет наш сынишка. Потом начались ссоры, упрёки и обвинения, водка и женщины, о которых мне было стыдно вспоминать и о которых она, конечно же, догадывалась, швыряя мне в лицо чашки и приборы, и однажды разбила мне бровь кружкой с недопитым чаем.

Алтай был моим способом загладить вину, и Лена, как ни дулась, не смогла устоять. Мы тяжело перенесли дорогу, успев поругаться несколько раз, и на месте летнего лагеря в горах оказались злыми и надутыми, но все прошло, сбитое резкими порывами ветра, наполненного

ароматами лесных трав. Прозрачный воздух, который можно было черпать ложкой, выдул из головы всю злобу и агрессию.

На одном из привалов я увидел белых бабочек. У меня не было сачка, и я, вспомнив о мечте жены, набил ими бутылку из-под дешевого вина, наивно полагая, что изловил мифическую мнемозину. Этот романтический порыв разбился, когда я всучил подарок жене, получив в ответ лишь усталую снисходительность.

– Балда, ты, балда, – рассмеялась Лена. – Это не мнемозина, а боярышница. Вредная, кстати, бабочка. Но...

– Что? – почти зло спросил я, чувствуя себя глупцом.

– Спасибо, – серьезно сказала она. – Я тронута, честное слово...

Она смотрела, как наш сын бежит по полю и его светлые волосы треплет ветер. И я смотрел вместе с ней. Бабочки с поломанными крыльями, слабо трепыхались в бутылке, умирая на свету тающего солнца. Мы увезли бутылку домой и поставили на полку, как одно из самых счастливых воспоминаний, заготовленных впрок, как банка с разносолами. Мы еще были молоды, немного счастливы и пьяны и еще любили друг друга. Можно предположить, что после этого мы жили долго и счастливо, больше не ссорясь. Но хеппи-энд не бывает. Мы начали ссориться почти сразу, потом в городе появился маньяк, а в моей жизни – новая женщина, всегда веселая и на все готовая. Она не устраивала скандалов.

В тот проклятый вечер, когда в моей квартире ждал убийца, я возвращался домой с твердым решением сказать жене, что уйду.

После убийства жены и сына тени, что иногда врывались в мои сны, обрели облик бабочек, бьющихся о стеклянные стены бутылки. Их белые крылья забрызганы кровью, которую они пьют из тел мертвецов, впиваясь в кожу острыми хоботками стервятников. Я слышу стрекот их крыльев и не могу заткнуть уши, потому что стеклянная бутылка – это моя голова, и они внутри, мои мечущиеся демоны.

Квартира Глеба Макарова находилась на самом верху продуваемой всеми ветрами стеклянной башни с видом на реку. Громадина в форме яйца Фаберже, словно высеченная из синего хрусталя, нависала над остальными домами со снисходительным превосходством. Макаровы не поскупились, выделив единственному сыну пентхаус, занимающий половину этажа. На что одному человеку такое помещение, я сказать затруднялся. Жили тут не самые бедные люди, и потому попасть в дом было бы сложно. Охраняли вход не подслеповатые бабушки, но, к счастью, в хрустальной башне жил мой давний клиент. Вечером я позвонил ему на мобильный и попросился на встречу по пустяковому вопросу. Отметившись на посту охраны, я поднялся на лифте на четвертый этаж, передал клиенту пару документов, выслушал дежурную благодарность и торопливо свернул в сторону лестницы. Несмотря на то что дом был безумно дорогим, на камерах пожарных лестниц сэкономили. Я поднялся наверх, изрядно запыхавшись. Пообещав себе бросить курить, я несколько минут, согнувшись пополам, сипло втягивал воздух, и только потом вынул из кармана сотовый и, набрав номер, прохрипел в него всего одно слово:

– Давай...

Спустя мгновение лампочка над дверью погасла. Я выглянул в коридор. Света не было. Я торопливо выскользнул в коридор и подбежал к огромной двери, единственной на этаже. Не тратя времени на звонок, я вынул из портфеля механическую отмычку – устройство, напоминающее электродрель. Старые замки я еще мог вскрыть при помощи отмычек, но современные мне уже не давались, пришлось обращаться к старым знакомым, которые теперь были со мной по одну сторону баррикад. Устройство имело на конце зубец, выполнявший роль инстру-

мента, захватывающего и растягивающего. Я вставил зубец в замок и нажал на спуск. Последовало несколько громких щелчков, после чего замок открылся. Я проскользнул в квартиру и бесшумно прикрыл за собой дверь. При помощи нехитрых звонков мне удалось узнать, что квартира Глеба Макарова не поставлена на сигнализацию, что даже удивляло, хотя, бросив взгляд вокруг, я понял, почему Макаров не озаботился этим. Дом казался неприступной крепостью, правда, действительность была иной, но богачам об этом не сообщили. Впрочем, в квартире Макарова особо нечего было красть. Я мысленно перекрестился: если меня ввели в заблуждение и Макаровы все-таки заключили договор с охранной фирмой, никакой сирены я не услышу, и минуты через три здесь окажутся дюжие молодчики с дубинками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.